

Решето истины

Таковым по определению итальянского писателя второй половины XVI века Стефано Гуаццо является спор. Разумеется, суть этой метафоры не в дырявости решета как таковой, а в способность этого уже почти забытого предмета материальной культуры просеивать все незначительное и оставлять лишь самое необходимое.

Интересно, что по поводу спора как явления человеческой жизни тоже ведутся споры. В частности, древний грек Менаандр считал, что в споре часто побеждают дерзость и красноречие, а отнюдь не истина.

Древний римлянин Публи(ли)й Сир также заявлял без тени сомнения, что в излишних спорах истина не рождается, а лишь теряется. Да и наш Лев Николаевич Толстой туда же: в спорах дескать истина забывается. Однако при этом еще один древний римлянин, Сенека, утверждал иное: следует выслушивать и противную сторону. А первое послание апостола Павла к коринфянам и вовсе гласит: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные». Ну и кто же победил в этом споре о споре? Это уж пусть каждый решает для себя сам. А мы присоединимся к Чарли Чаплину, который в свое время верно сказал: «Жизнь без споров была бы очень скучна. Все, что живет, вызывает к обсуждению».

Дискуссия, дебаты, диспут, прения — все эти конструктивные процессы, родственные спору, на наш взгляд, чрезвычайно полезны, потому что открывают для их участников разные грани проблемы, расширяют горизонты, углубляют знания. Вот и мы после долгой паузы решили вернуть в свой журнал такой жанр, как полемика. Повод к этому нам дала Виктория Прозорова, кандидат наук из России, ныне работающая во Франции. Она предложила редакции опубликовать обзор дискуссии, возникшей в среде архивистов вокруг книги экс-генсека Международного совета архивистов Ш. Кечкемети и венгерского исследователя Л. Кёрменди «Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов». Обеспечение сохранности электронных архивов — благодатная тема для продолжения полемики уже в среде российских архивистов, на которую мы очень рассчитываем. При этом мы надеемся, что научные споры со временем станут для нашего издания обычной практикой, а не экзотикой.

Подводя итоги прошлого года, мы дали обещание вам, наши дорогие читатели, восполнить пробел, возникший в связи с отсутствием статей в рубрике «Измерение информационного общества». Выполняя это обещание, в первом номере нового года мы разместили целых две работы на эту тему: кандидата наук Евгении Петровой о портале госуслуг и аспирантки Олеси Волченко об использовании интернета в социальных науках.

Важнейшая тема социальной поддержки граждан в информационном обществе продолжается в текущем номере статьей москвича Андрея Коренюка о возможностях преодоления сиротства средствами информационной деятельности. Доктор наук Евгений Плешкевич, разбирая особенности документально-информационной составляющей современного общества, пусть и вскользь, но все-таки затрагивает пока крайне редко обсуждаемую как в политических, так и в экспертных кругах проблему доверия при использовании ИКТ. Мы надеемся на дальнейшее развитие этой темы в дальнейших выпусках журнала.

Другие статьи номера посвящены коммуникативным технологиям (коллектив авторов из Санкт-Петербургского НИУ ИТМО во главе с доктором наук Виктором Василенком) и освещению электоральных кампаний (кандидат наук Александр Ефанов из Оренбурга).

№ 1
2017

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

УЧРЕДИТЕЛИ:

ОСНОВАН В 1989 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ИНСТИТУТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
РОССИЙСКАЯ ИНЖЕНЕРНАЯ АКАДЕМИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

ЕРШОВА Татьяна
Викторовна — канд.
экон. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ХОХЛОВ Юрий Евгеньевич (председатель) — канд. физ.-мат. наук, доц., acad. РИА
ОРЛОВ Степан Владимирович (зам. председателя) — канд. экон. наук
АЛЕКСЕЕВА Ирина Юрьевна — д-р фил. наук, доц.
БОГДАНОВ Александр Владимирович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ВАРТАНОВА Елена Леонидовна — д-р фил. наук, проф.
ВЕРШИНСКАЯ Ольга Николаевна — д-р экон. наук
ВОЙСКУНСКИЙ Александр Евгеньевич — д-р психол. наук
ДЕЖИНА Ирина Геннадьевна — д-р экон. наук, проф.
ЕЛИЗАРОВ Александр Михайлович — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЗАИКИНА Галина Александровна — канд. филос. наук
ЗАСУРСКИЙ Ясен Николаевич — д-р фил. наук, проф.
ИВАНОВ Алексей Дмитриевич — д-р экон. наук, чл. — кор. РАЕН
ИВАХНЕНКО Евгений Николаевич — д-р филос. наук, проф.
КОГАЛОВСКИЙ Михаил Рувимович — канд. техн. наук, доц.
КОЛИН Константин Константинович — д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ
КРИСТАЛЬНЫЙ Борис Владимирович — канд. геол. — минерал. наук, проф, чл. - кор. МАИ
КУЗНЕЦОВА Наталия Ивановна — д-р филос. наук, проф.
МЕНДКОВИЧ Андрей Семенович — д-р химических наук, ст. науч. сотрудник
МИРСКАЯ Елена Зиновьевна — д-р социол. наук
ОЛЕЙНИК Андрей Владимирович — д-р техн. наук, проф.
РАЙКОВ Александр Николаевич — д-р техн. наук, проф.
РУСАКОВ Александр Ильич — д-р хим. наук, проф.
СЕМЕНОВ Алексей Львович — д-р физ.-мат. наук, acad. РАН, действ. член РАО
СЕМЕНОВ Евгений Васильевич — д-р филос. наук, проф.
СЕРДЮК Владимир Александрович — канд. техн. наук, доц.
СМОЛЯН Георгий Львович — д-р филос. наук, проф.
СТРЕЛЬЦОВ Анатолий Александрович — д-р техн. наук, д-р юрид. наук, проф., засл. деятель науки РФ
ТАТАРОВА Галина Галеевна — д-р социол. наук, проф.
ЧЕРЕШКИН Дмитрий Семенович — д-р техн. наук, проф., acad. РАЕН
ШАПОШНИК Сергей Борисович
ЩУР Лев Николаевич — д-р физ.-мат. наук, проф.
ЯКУШЕВ Михаил Владимирович

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

КОПЬЁВА Ольга
Валентиновна

ДИЗАЙН-ПРОЕКТ:

КЕЛЕЙНИКОВ Иннокентий

ВЕРСТКА:

КАПУСТИН Дмитрий
Владимирович

Журнал зарегистрирован в Роспечати
(Per № 015 766 от 01.07.1999)

ISSN 1606-1330 (печ.), ISSN 1605-9921 (эл.)

Подписные индексы:

по каталогу Агентства «Роспечать» (красный) — 70264
по объединенному каталогу «Пресса России» (зеленый) — 84668

Адрес редакции: 105062, Москва, ул. Макаренко, д. 2/21 стр. 1,
2 этаж, офис 8

Для подписки: 101000, Москва, Главпочтамт, а/я 716

Тел./факс: (495) 625-60-69, 625-41-24

Электронная почта: infosoc@iis.ru

Веб-сайт: www.infosoc.iis.ru

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна только по согласованию
с редакцией.

Авторы несут ответственность за патентную чистоту, достоверность
и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических
данных, собственных имен, географических названий и прочих
сведений, а также за разглашение данных, не подлежащих
открытой публикации. При любом использовании оригинальных
материалов ссылка на журнал обязательна.

**ПУБЛИКУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРОШЛИ ПРОЦЕДУРУ
РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ЭКСПЕРТНОГО ОТБОРА**

**1 ДЕКАБРЯ 2015 ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В НОВЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ,
РЕКОМЕНДОВАННЫХ ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИЕЙ РФ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ
МАТЕРИАЛОВ КАНДИДАТСКИХ И ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.
ЖУРНАЛ ВХОДИТ В ДАННЫЙ СПИСОК С 26 ФЕВРАЛЯ 2010 ГОДА.**

ЛЕГАЛЬНЫЙ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ

Пара(-)Тайп

IN LEGAL USE

В макете журнала использованы
шрифты ООО НПП «ПараТайп»

Формат 70×100/16. Объем 4 п.л.
Печать офсетная. Бум. офсетная.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии
«Лига-Принт»
Москва, ул. 12-я Парковая, д. 11/49
Тел.: (495) 465-5886

СОДЕРЖАНИЕ № 1 2017

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

- 1 **Решето истины**

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 4 ПЛЕШКЕВИЧ Евгений Александрович **Документально-информационная составляющая современного информационного общества**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 11 КОРЕНЮК Андрей Анатольевич **Информационная деятельность как средство преодоления социального сиротства**

КУЛЬТУРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 18 ПРОЗОРОВА Виктория Борисовна **Полемика по книге Ш. Кечкемети, Л. Кёрменди «Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов»**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И СМИ

- 28 БРАЗЕВИЧ Дмитрий Святославович, ВАСИЛЕНКО Виктор Леонидович, ГЕРАСИМОВА Анна Юрьевна, ТОЛСТИКОВА Ирина Ивановна **Публичная коммуникация в блогосфере как коммуникативная интернет-технология**
- 36 ЕФАНОВ Александр Александрович **Освещение предвыборных кампаний в СМИ и электоральный интерес**

ИЗМЕРЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

- 41 ПЕТРОВА Евгения Викторовна **Портал государственных услуг в системе практик и оценок респондентов**
- 47 ВОЛЧЕНКО Олеся Викторовна **Измерение практик использования интернета в социальных науках: обзор основных методов**

СПОРТ И ТУРИЗМ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

- 55 КОСТИКОВ Валерий Юрьевич **Спорт как феномен культуры в информационном обществе**

ИНФОРМАЦИЯ

- 62 **Abstracts**
- 65 **Наши авторы**

Документально-информационная составляющая современного общества

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 18.10.2016.

ПЛЕШКЕВИЧ Евгений Александрович

Доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск)

Аннотация

В статье анализируется организация документально-информационного сегмента современного общества. Автор предлагает выделять протодокументальные, документальные и постдокументальные структуры этого сегмента. Особый акцент делается на доверие, которое рассматривается как специфическое свойство документально-информационной составляющей социума.

Ключевые слова:

информационное общество, документ, протодокумент, доверие, документально-информационный подход.

Традиционно под информационным обществом понимается ступень в развитии современной цивилизации, характеризующаяся увеличением роли информации и знаний в жизни общества, возрастанием доли информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), информационных продуктов и услуг в валовом внутреннем продукте, созданием глобальной информационной инфраструктуры, обеспечивающей эффективное информационное взаимодействие людей и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах [1, с. 37, 38].

Таким образом, содержание понятия «информационное общество» связывается с уровнем развития ИКТ и информационной инфраструктуры, то есть системы организационных структур, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства страны и средств информационного взаимодействия. К ней относится совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи, обеспечивающих доступ к информационным ресурсам. Однако каков спектр функций информационных центров? Исчерпывается ли он обеспечением коммуникации во времени и пространстве? Представляется, что ответы на эти вопросы во многом связаны с особенностями документальных информационных коммуникаций.

Напомним, что понятия «документирование информации» и «документ» закреплены на законодательном уровне. Так, в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 г. *информационные ресурсы* определялись как отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах). В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и защите информации» 2006 г. используются понятия *электронного сообщения* и *электронного документа*. Если электронное сообщение содержит просто информацию, то электронный документ — документированную информацию. Так в чем же специфика документирования информации и чем оно отличается от простой записи?

Поиск ответа побуждает нас обратиться к теории документальной информации и документально-информационному подходу, созданному на ее основе.

Основные положения теории документальной информации

Отдельные положения были изложены нами ранее [2–5]. В рамках данной работы предполагается лишь уточнение отдельных ключевых аспектов. Начнем с информации как научной категории. Опираясь на функциональный подход, мы предлагаем рассматривать *информацию* как обобщающее понятие, научную абстракцию, обозначающую процесс, направленный на использование физического, химического и иного отражения качественной неоднородности (пространственной и темпоральной вариативности) материи в целях адаптации в качестве ресурса развития биологических и социальных форм жизни.

Таким образом, информация рассматривается нами только как часть отраженного разнообразия, которая целенаправленно используется в живой природе; при этом другая часть физического отражения понимается нами как отражение, а не информация. Из этого следует, что, во-первых, информация это всегда процесс, опосредованный рядом объектов, которые мы называем информационными. Во-вторых, этот процесс должен включать не только синтаксическую составляющую или аспект физического или иного отражения, но и семантическую и прагматическую, отвечающие за целеполагание субъектов процесса. Именно эти аспекты и задают направление всей организации информационного процесса.

К примеру, в контексте прагматического аспекта информационный процесс можно условно разделить на два типа. Во-первых, это *коммуникационный тип* информационного процесса, направленный на передачу содержания отражения во времени и пространстве всем потенциальным потребителям. Информационный объект, посредством которого реализуется этот процесс, традиционно определяется как сообщение. Во-вторых, это *семантико-гносеологический тип*. Он связан с перекодировкой имеющегося содержания отражения на основе определенных алгоритмов в целях получения нового знания. Такой информационный объект определяется как данные. Разновидностью этого типа информационного процесса выступают математические вычисления, которые в простых случаях ведутся ручным способом, в более сложных — с помощью механизации, автоматизации и компьютеризации. В реальной жизни эти типы процессов зачастую тесно переплетены. Например, использование вычислительной техники в коммуникационных целях сопровождается преобразованием сообщения в данные и обратно. Однако это не мешает нам выделить основные типы информационных процессов на теоретическом уровне в чистом виде. В рамках данной статьи мы остановимся на коммуникационном типе информационных процессов.

Одним из ключевых условий использования информации-отражения является наличие доверия к нему со стороны потребителей. В связи с этим встает вопрос о доверии как ожидании того, что созданное нами сообщение дойдет до адресата, что у потребителей информации имеется доступ к максимально возможному спектру сообщений по конкретному вопросу и что получаемые ими сообщения являются семантически симметричными авторским сообщениям. Как показывает исторический анализ, необходимый уровень доверия к информационному процессу и, следовательно, к сообщению достигался посредством

организации информационного процесса, причем более высокому уровню развития общества соответствуют более высокие требования к обеспечению доверия к информации как ресурсу развития.

Эволюция организационных форм социальных информационных процессов

Первичная *протодокументальная форма* организации информационного процесса предполагает передачу информационного устного (ИСу) или письменного (ИСП) сообщения от автора к пользователю либо напрямую, либо через посредников, осуществляющих копирование и распространений копий. Организация такого информационного процесса складывается стихийно благодаря постоянному, порой случайному, вовлечению в него новых участников на основе их личной и/или коммерческой заинтересованности. Механизм доверия в этом случае базируется на личном доверии к многочисленным участникам процесса. Очевидно, что личные пристрастия участников, намеренные или ненамеренные ошибки в ходе копирования информационных сообщений и многое другое неминуемо обуславливают или утрату материального носителя сообщения, или существенное нарушение симметрии сообщения. Схематично это можно изобразить следующим образом.

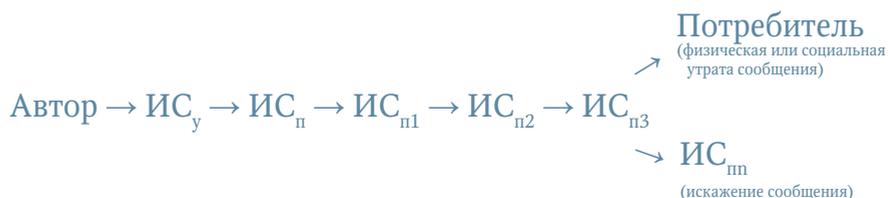

Рис. 1. Гносеологическая модель письменного протодокументального информационного процесса

В рамках этой схемы оригинальное информационное сообщение (ИСу) записывается (ИСП) и передается потребителям. В ходе передачи оно копируется и при этом намеренно или ненамеренно трансформируется в близкое ему, но все-таки отличное от него информационное сообщение (ИСП1), которое в ходе очередного копирования так же трансформируется, образуя новое сообщение (ИСП2). В результате первоначальное информационное сообщение (ИСП), передаваемое порой случайными людьми, намеренно или ненамеренно искажающими его содержание, а также сведения об авторе, месте и времени создания, существенно отличается от (ИСП3). Кроме того, данный процесс может быть легко прерван по причине отсутствия человека, который мог бы взять на себя полномочия по передаче сообщения (ИСП3), либо вследствие разрушения материального носителя. Причем, даже сохраняясь физически, сообщения могут быть утрачены в социальном плане.

В случае сохранения сообщения (ИСПп) оно с кого-то времени становится искаженным до такой степени, что пользователи утрачивают доверие к нему и не могут использовать его в практической деятельности. Анализ протодокументальной формы организации информационного процесса свидетельствует,

что данная форма носит локальный пространственно-временной характер, не имеет единого центра организации и подвержена многочисленным рискам физической и семантической утраты сообщения, что подрывает доверие к ней в условиях расширения пространственно-временных коммуникаций. Таким образом, протодокументальные информационные сообщения являются информационными ресурсами низкого качества, использование которых ограничено пространственно-временными и личностными факторами.

Кардинальное улучшение ситуации стало возможным благодаря введению в информационный процесс дополнительного участника в виде социальных институтов, взявших на себя функцию обеспечения доверия. Такими институтами стали библиотечно-библиографические, архивные и нотариально-делопроизводственные учреждения и службы. Их деятельность рассматривается нами как документирование информации (ДИ), а информационный процесс с их участием — как *документальный*. Процедура документирования включает в себя совместно с книгоиздательскими и иными учреждениями запись или регистрацию на материальном носителе информационного сообщения (ИСП). От простой записи она отличается нормативной регламентацией технологии записи информации и обязательности включения в сообщение части метаинформации в виде выходных сведений или реквизитов. При этом часть созданных таким образом записей информационного сообщения помещаются в документальный фонд, тем самым обеспечивается стабильный доступ к ним.

Другим элементом документирования выступает фиксирование сведений о создании (копировании, тиражировании), хранении и движении информационного сообщения, а также доведение этой информации до потребителей в ходе библиографической деятельности. Данный вид информации об информации традиционно определяется как метаинформация (МИ). В результате этого потребитель имеет дело с документированным информационным сообщением (ДИС), в отношении которого функции поддержания к нему доверия и организацию доведения до потребителей взяли на себя определенные институты. Безусловно, что многие эти процессы часто оказываются разнесенными во времени и пространстве, однако это не меняет принципиальной схемы организации процесса в целом. Схематично его можно представить так:

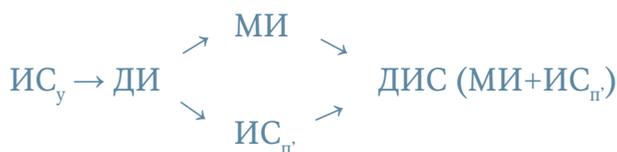

Рис. 2. Гносеологическая модель документирования

Специфика данного способа организации движения информационного сообщения такова, что семантическая симметричность, т.е. подлинность и аутентичность содержания текста или изображения, сохраняется (ИСП), но при этом метаинформация (МИ) вместе с развитием библиотечно-библиографической системы в ходе уточнения маршрута движения документа, его целевой аудитории, критического осмысления его содержания меняется.

$$IS_n \rightarrow DI_1 \rightarrow IS_n + MI_1 \rightarrow DI_2 \rightarrow IS_n + MI_2 \rightarrow \dots \rightarrow DI_n \rightarrow IS_m + MI_n$$

Рис. 3. Гносеологическая модель документально-информационного процесса

Опираясь на понимание документирования как элемента информационного процесса, мы определяем *документальную информацию* как информацию, содержащуюся непосредственно в информационном сообщении (тексте) и в реквизитах (выходных сведениях), добавленных к тексту и зафиксированных в иных библиографических документах (библиографических указателях, каталогах, картотеках и т.д.).

В результате перехода к документальной форме был создан механизм управления информационным процессом, а сам процесс стал институциональным. Благодаря этому потребитель получил гарантированный, всеобщий и постоянный доступ к максимально возможному спектру информационных сообщений, а наличие контрольного экземпляра в документальном фонде и отслеживание процессов его использования и копирования снизило вероятность искажения содержания, что способствовало укреплению доверия как к самому процессу, так и к документальному информационному сообщению. В итоге хотя бы отчасти была решена проблема пространственно-временной и личностной ограниченности информации как ресурса общественного развития.

Разница между электронным сообщением и документом состоит в том, что в первом случае доверие носит личностный характер, тогда как во втором — институциональный, заключающийся в управлении движением сообщения в течение всего его жизненного цикла. Если такое управление по каким-то причинам прерывается, сообщение либо вообще утрачивает документальный статус, либо восстановление доверия к нему и соответственно статуса происходит посредством архивной или криминалистической экспертизы ценности.

Развитие институционального управления информационными процессами привело к появлению новой *постдокументальной информационной технологии* (ПДИТ). Ее суть заключается в том, что задачи по презентации содержания информационного сообщения и его учету возлагаются на метаинформацию (МИ), продуцируемую в рамках усиленного институционального управления. В результате на практике мы имеем дело не с вещественным документом, а с постдокументальным информационным сообщением (ПДИС), содержание которого заключено в учетных формах, иными словами в метаинформации. Иначе говоря, если в рамках документальной формы организации информационного процесса метаинформация выполняла функции обеспечения движения сообщения и доверия к нему, то в рамках данной формы организации документирования она выполняет функции сообщения как такового. В силу этого мы определяем ее как расширенную метаинформацию (МИр). Схематично это будет выглядеть следующим образом:

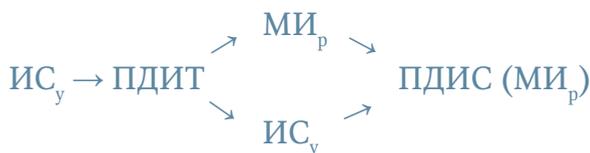

Рис. 4. Гносеологическая модель постдокументирования

Сегодня данный вид информационного процесса имеет место в финансовой сфере применительно к ценным бумагам, которые, как принято в финансовой терминологии, имеют документарную и бездокументарную формы. Информационное сообщение в ценных бумагах, к примеру в акциях, заключается в указании их номинальной стоимости, а обязательственные права по ним вытекают из факта владения ими. При этом содержание этих прав унифицировано и закреплено законодательно. В рамках документарной ценной бумаги мы имеем дело с бумажным сертификатом, в тексте которого указывается вид акций, их номинальная стоимость и их количество. Метаинформация в данном случае будет включать в себя реквизиты, содержащие регистрационный номер, имя владельца сертификата, наименование эмитента, его подпись и печать и т.д. Данная метаинформация фиксируется как на сертификате акции, так и частично в учетных формах, хранящихся в кредитных учреждениях. Обязательственные и иные права по такой акции наступают посредством ее презентации и внесения учетных записей в соответствующие учетные формы в кредитных учреждениях. В случае бездокументарной формы ценной бумаги ее материальная форма в виде сертификата не создается вообще. Факт решения о ее эмиссии, ее вид и номинал, имя ее владельца и все другие сведения фиксируются в решении о выпуске ценных бумаг; ее передача и использование происходят посредством внесения соответствующих записей в счет депо, открытый в депозитарии кредитного учреждения. Таким образом, мы имеем дело с материализованной учетной формой и виртуальной ценной бумагой и, как следствие, с новой постдокументарной формой организации информационного процесса.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что существенной частью информационной инфраструктуры выступают документально-информационные центры в виде соответствующих учреждений, обеспечивающие необходимый уровень доверия к документальным сообщениям или, попросту говоря, к документам. Успешность освоения новых информационно-телекоммуникационных технологий во многом будет определяться уровнем развития информационных центров. Традиционно в качестве таковых выступали библиотечно-библиографические учреждения, архивы и службы ДОУ. Сегодня к ним добавились новые виды учреждений, например дата-центры. В связи с этим существуют два варианта развития институциональной составляющей информационной инфраструктуры. Во-первых, это перевод уже созданных учреждений на новые информационно-телекоммуникационные технологии. Во-вторых, создание учреждений нового типа. В принципе можно пойти любым путем, важно в обоих случаях обеспечить необходимый уровень доверия к информационному процессу и, соответственно, к генерируемой им информации.

Что касается появления новой постдокументарной формы организации информационного процесса, то этот факт свидетельствует об усилении его виртуализации и, как следствие, об усложнении технологий обеспечения доверия к нему. Осмысление этого диктует интенсификацию исследований по разработке новых механизмов обеспечения доверия к постдокументам. В противном случае будет нарастать угроза информационной безопасности как отдельных граждан, так и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. ХОХЛОВ Ю. Е. **Стимулы и барьеры на пути реализации Стратегии развития информационного общества в России** // Информационное общество. 2008. № 1-2. С. 37-46.
2. ПЛЕШКЕВИЧ Е. А. **Бездокументарный документ: начало нового этапа развития коммуникаций** // Науч.—техн. информация. Сер.1. 2007. № 1. С. 29-31.
3. ПЛЕШКЕВИЧ Е. А. **Дискуссия о природе информации и путях построения ее философской концепции** (обзор) // Науч.—техн. информация. Сер. 1. 2015. № 4. С. 14-18.
4. ПЛЕШКЕВИЧ Е. А. **Информационно-коммуникационная деятельность: сущность, структура, виды** // Науч.—техн. информация. Сер. 2. 2010. № 9. С. 11-13.
5. ПЛЕШКЕВИЧ Е. А. **Феномен документа и данных в контексте построения информационной картины мира** // Науч.—техн. информация. Сер. 2. 2016. № 5. С. 1-6.

Информационная деятельность как средство преодоления социального сиротства

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 28.01.2017.

**КОРЕНЮК Андрей
Анатольевич**

*Консультант сектора
регионального банка
данных о детях,
оставшихся без попечения
родителей, Управления
опеки и попечительства
в отношении
несовершеннолетних
Департамента труда
и социальной защиты
населения города Москвы*

Аннотация

В деле преодоления социального сиротства одним из инструментов является предоставление достоверной информации о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей. Средства массовой информации, в том числе интернет, – важнейший источник и способ формирования общественного мнения. Благодаря их деятельности к решению данной проблемы удастся привлечь общественность, бизнес- и другие структуры. В статье анализируется деятельность СМИ и интернет-ресурсов органов опеки и попечительства по формированию общественного мнения о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей. В ходе социологического опроса руководителей органов опеки и попечительства выявлено отношение экспертов к решению проблемы социального сиротства.

Ключевые слова:

дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; опека и попечительство; приемная семья; информационная деятельность; интернет-ресурсы.

В современном российском обществе проблемы семьи и воспитания требуют к себе особого внимания. С 1960-х годов количество разводов увеличилось в нашей стране примерно в 3 раза. Распадается более чем каждый второй брак [6, с. 70]. Низкий интеллектуальный и культурный уровень многих семей, примитивность их запросов, бездуховность, трудовая незанятость или, наоборот, чрезмерная занятость родителей, алкоголизм и наркомания родителей, их противоправное поведение становятся причинами отторжения ребенка от семьи, социального сиротства [3, с. 134].

По данным Министерства образования и науки РФ, в 2016 г. число детей, находившихся на воспитании в замещающих семьях и в организациях для детей-сирот, достигало 470 тыс., в 2015 г. – почти 480 тыс. [7]. Для сравнения: после Великой отечественной войны во всем Советском Союзе было 878 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1, с. 19].

Одним из важных факторов преодоления социального сиротства является формирование соответствующего общественного мнения, в том числе через средства массовой информации, включая интернет. В первое десятилетие XXI века проблема сиротства оказалась в центре внимания не только узкого круга профессионалов, но и широкой общественности, общественных организаций. Сироты становятся действующими лицами многих телепередач, в газетах и журналах печатаются посвященные им заметки и статьи. Чаще всего это рассказы о бытовых условиях и нуждах учреждений для детей-сирот, благотворительных акциях, криминальной деятельности взрослых, жертвами или соучастниками которой становятся сироты, а также о проектах, направленных на улучшение положения детей. Однако средства массовой информации, еще

несколько лет назад регулярно освещавшие «сиротскую» тему, сегодня представлены единичными изданиями или программами. Тема сиротства перестает быть «модной» [4, с. 48]. Несмотря на проводимую органами государственной власти информационно-просветительскую кампанию, направленную на решение проблемы социального сиротства, существенных изменений в отношении детей-сирот со стороны общества не наблюдается.

В то же время тема сиротства вообще и социального сиротства в частности требует к себе пристального внимания и изучения. Имея это в виду, мы обратились к социологическим опросам общественного мнения, касающимся положения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В январе 2014 г. в Москве был проведен социологический опрос «Оценка мер государственной политики в сфере защиты детства». Исследование проводилось в форме электронного анкетирования 161 эксперта, в качестве которых выступали работники органов опеки и попечительства — руководители и заместители отделов опеки, попечительства и патронажа управлений социальной защиты населения районов г. Москвы.

Как выяснилось, 39% из них считают целесообразным расширить круг субъектов, участвующих в решении проблемы сиротства, путем привлечения негосударственных, общественных и волонтерских организаций; 36% — других государственных организаций; 11% — бизнес-структур; 11% высказались за налаживание взаимодействия уже существующих структур, а 49% — за создание общественных советов в административных округах. 77% признали необходимым создать специализированную телепередачу «Детство для всех», посвященную детям-сиротам. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости широкого привлечения общественности к решению проблемы социального сиротства.

Мнение экспертов о необходимости расширения круга субъектов, участвующих в преодолении социального сиротства, за счет иных государственных и негосударственных организаций, а также налаживания кооперации между действующими структурами свидетельствует о недостаточной координации и системности в работе государственных организаций, отсутствии эффективных регламентов межведомственного взаимодействия.

Характерно, что в вопросе создания общественных советов мнения экспертов разделились с небольшим преимуществом в 2% против такого решения. Можно предположить, что руководители органов опеки и попечительства выразили таким образом свое негативное отношение к активизации общественного контроля за их деятельностью. Вместе с тем, с точки зрения неангажированного наблюдателя, создание общественных советов представляется одним из эффективных механизмов привлечения широких слоев к решению проблемы социального сиротства.

Обратим внимание на тот факт, что, по мнению большинства экспертов, тема детей-сирот должна внимательно и глубоко анализироваться в рамках специализированной телепередачи с привлечением представителей органов власти и общественных организаций, экспертов, занятых в разных областях науки и социальной практики, приемных родителей, волонтеров, успешно работающих в этой сфере. Введение законодательной квоты на специализированные телепередачи, посвященные детям-сиротам, на федеральных, региональных

и городских каналах способствовало бы более широкому информированию граждан и формированию позитивного общественного мнения.

В 2013 г. Левада-Центр провел опрос общественного мнения, касающийся комплекса проблем, связанных с положением детей-сирот в России. Среди причин социального сиротства опрошенные чаще всего называли: хроническую аномию и социальную дезорганизацию («в обществе очень много опустившихся людей, подверженных алкоголизму, наркомании и т.п.») — 55%; утрату моральных опор, ожесточение нравов, бессердечие — 37%; разрушение семьи — 34%; бедность населения («слишком много бедных людей, живущих в неустроенности») — 42%; несовершенство социальной политики и институциональной системы («в России не ценится человеческая жизнь») — 27%; разрушение системы социального обеспечения, профилактической медицины — 25%; ухудшение состояния здоровья населения («рождается много больных детей с тяжелыми наследственными заболеваниями и врожденными патологиями») — 24% [8].

Оценка причин социального сиротства отражает общее настроение населения современной России. Неслучайно большая часть опрошенных указала на укоренившуюся аномию и социальную дезорганизацию как на основную причину социального сиротства: в обществе привыкли объяснять сиротство массовым асоциальным поведением, в том числе алкоголизмом или наркоманией родителей. В то же время значительная часть опрошенных связывает рост числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, со сложной экономической ситуацией в стране.

Социологический опрос населения Тамбовской области (2014 г.) показал, что 42% респондентов считают существующие меры по преодолению социального сиротства недостаточными, 22% — достаточными, однако очень значительная часть участников опроса (36%) не имеет собственной позиции относительно эффективности действующих мер. Большинство респондентов (86%) считают, что в работе учреждений, занимающихся преодолением социального сиротства, должны участвовать благотворительные организации. В качестве источника информации о семейных формах устройства детей-сирот 59% указали на телевидение, 18% — на печатные СМИ, 9% — на интернет, 3% — на наружную рекламу, 1% — на радио [9]. Исследование в Тамбовской области позволяет утверждать, что в обществе преобладает мнение о недостаточности государственных мер преодоления социального сиротства.

В 2015 г. в рамках онлайн-исследования опрошено 500 человек из разных городов России. Выяснялась степень осведомленности респондентов о проблеме усыновления. 69% их них считают трудности сбора множества документов и подачи их в соответствующие инстанции причиной малого количества потенциальных усыновителей. По мнению 49%, причина в недостаточной поддержке усыновителей со стороны государства. 42% потенциальных усыновителей отпугивает бытующее мнение о плохом состоянии здоровья большинства сирот, 28,4% полагают, что плохая наследственность этих детей затрудняет их устройство в приемные семьи [10]. Социологическое исследование «Восприятие проблем детей-сирот и их семейного устройства в российском обществе», проведенное Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, выявило, что в общественном сознании преобладает негативный образ детей-сирот [11].

Таким образом, результаты социологических исследований свидетельствуют о недостаточной информированности граждан о проблеме социального сиротства. Эффективная деятельность по преодолению этого социального явления не может строиться без социологического сопровождения и оценки осуществляемых мер. Вместе с тем недостаточное количество проводимых социологических исследований не позволяет получать оперативную и достоверную информацию о состоянии дел, своевременно узнавать о трудностях и слабых местах проводимой работы.

Появление и быстрое развитие сети интернет послужило основой создания социального пространства, в котором стало возможным получать информацию в режиме реального времени. Решение проблемы сиротства в немалой степени зависит от проведения масштабной информационно-просветительской интернет-кампании.

При анализе сайтов органов исполнительной власти субъектов РФ, наделенных полномочиями по опеке и попечительству, по состоянию на январь 2015 г. было выявлено, что из 85 сайтов только 51 имеет специальные разделы, посвященные вопросам опеки и попечительства, причем эти разделы носят разные названия: «Опека и попечительство», «Семейные формы устройства», «Дадим дом детям», «Социальная защита детства», «Социальная защита и охрана прав детей» и т.п. На 55 сайтах размещена информация о должностных лицах органов опеки и попечительства, на 57 — указаны номера телефонов, 52 располагают информацией о региональном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на 35 указаны телефоны «горячей линии» по вопросам защиты прав детей-сирот, на 58 размещена информация об адресах уполномоченных органов опеки и попечительства, на 45 — сведения об организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на 42 сайтах рассказывается о школах приемных родителей. То есть отсутствует стандартизированный системный подход к организации информирования населения по вопросам опеки и попечительства.

В качестве положительного примера размещения информации о детях-сиротах в интернете можно привести портал регионального банка данных о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, города Москвы (www.usynovi-moskva.ru), который предоставляет широкие возможности для пользователей, в том числе запись в режиме онлайн на прием в банк данных детей, школу приемных родителей. На интернет-портале размещены фото и видеопаспорта детей-сирот. Информация об органах опеки и попечительства, организациях для детей-сирот, центрах помощи семье и детям, школах приемных родителей, организациях по сопровождению семей и общественных советах размещена на интерактивной карте Москвы.

Агентство социальной информации — Центр рекламных исследований Grand Prix проанализировало особенности использования интернет-инструментов некоммерческими организациями. Как выяснилось, ключевыми трудностями представители общественных организаций считают отсутствие свободного времени, достаточных знаний и опыта подобной работы [12, 14].

С целью повышению информированности населения по вопросам опеки и попечительства, семейного устройства детей-сирот целесообразно разработать типовую структуру электронных сайтов государственных и негосударственных

организаций, включая их содержание, дизайн и инструментарий. Кроме того, следует провести работу по разъяснению представителям негосударственных организаций важности использования интерес-ресурсов.

Внимание российской общественности к проблеме социального сиротства возросло после принятия Государственной думой закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [13]. Большинство наших сограждан, которые мало что знали о масштабах сиротства в России, стали проявлять интерес к этому социальному явлению. Рассматривались разные варианты участия — благотворительность, волонтерская помощь или прием ребенка на воспитание в семью. В Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. предусмотрено проведение просветительской работы среди населения, способствующей поддержке детей-сирот.

На протяжении нескольких лет в России проводится Общенациональная информационная кампания по противодействию жестокому обращению с детьми, цель которой — повышение ценностей семьи, престижа ответственного родительства, а также формирование позитивного образа семейного устройства детей-сирот.

Важнейшим средством пропаганды ценностей ответственного родительства стала социальная реклама. Так, в 2015 г. на телевидении, радио и в интернете Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, размещались видео- и аудиоролики «Ответственное родительство» и «Семейное устройство детей сирот». Социальная реклама размещалась как на платной, так и на безвозмездной основе в наиболее рейтинговых СМИ — на федеральных телеканалах НТВ, СТС и ТНТ, информационные плакаты — в общественном транспорте 10 городов и в лечебно-профилактических учреждениях 20 городов, интернет-баннеры — на главной странице Яндекс и в почте Mail.ru [14]. С целью выявления лучших региональных рекламно-информационных кампаний, направленных на продвижение ценностей семьи, семейного устройства детей-сирот, фонд ежегодно проводит конкурсы, в том числе журналистских работ на тему «В фокусе — семья».

Вместе с тем, по мнению эксперта Общественной палаты РФ Александра Гезалова, федеральные СМИ недостаточно активно принимают участие в решении проблемы сиротства. Так, в 2013 г. на конкурс журналистов, освещающих тему сиротства в России, от федеральных СМИ поступила всего одна работа, причем в рамках проекта, который реализуется на средства благотворителей. Передача «Адреса милосердия» на радио «Маяк», иные информационные каналы не приняли участие в конкурсе [2].

Еще одним ресурсом проведения информационно-просветительской и консультативной работы с родителями является интернет-портал Фонда «Я — родитель». На сайте размещена информация для потенциальных родителей, психологические тесты, видеоуроки с опытом тех, кто уже стал приемными родителями, проводятся онлайн консультации психологов, юристов, специалистов по детской безопасности и ОГЭ/ЕГЭ. В рубриках «Мы — родители» и «Родительский час» предоставляется возможность пообщаться с приглашенными гостями лично через скайп, в видеорубрике «Пишите письма» разбираются вопросы, которые пользователи присылают специалистам портала.

Для привлечения внимания федеральных и региональных СМИ к пропаганде семейного устройства детей-сирот фонд совместно с Союзом журналистов России и Агентством социальной информации творческого объединения ЮНПРЕСС ежегодно организует конкурс журналистских работ. В 2015 г. конкурс проводился по номинациям: «Вместе вопреки», «Своя-чужая боль», «Работа над ошибками» и «Помощь на расстоянии звонка».

Социальная реклама, нацеленная на преодоление сиротства, размещается на остановках общественного транспорта и в метрополитене. На радиостанциях, мониторах торговых и бизнес центров, в аэропортах и кинотеатрах Москвы организована трансляция аудио- и видеороликов, содержащих информацию о региональном банке данных о детях-сиротах и об органах опеки и попечительства. В 2014 г. в парках Москвы (Воронцовский парк и Парк 850-летия Москвы) были организованы фотовыставки со снимками детей-сирот и производной информацией о них (100 уличных стендов).

Социальная реклама выступает как одна из комплексных мер, направленных на повышение эффективности семейного устройства сирот. Благодаря ей в Москве, например, повысилась информированность граждан о проблеме сиротства: на 25% увеличилось количество граждан, обратившихся в 2015 г. в региональный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

С целью привлечения населения к проблеме социального сиротства с 2012 г. в Москве проводится общегородское мероприятие «День Аиста». Гражданам предоставляется возможность познакомиться с воспитанниками детских домов, а также получить консультации специалистов по вопросам семейного устройства детей. В «Дни Аиста» организации для детей-сирот Москвы открывают свои двери для тех, кому не безразлична их судьба. Число людей, принимающих участие в «Дне Аиста», с каждым годом растет. Так, в 2013 г. в нем приняли участие 1015 человек, в 2014 г. — 2018, в 2015 г. — 4700.

В телевизионной программе «Пока все дома» рубрика «У вас будет ребенок» помогает найти родителей детям из детских домов. В каждом выпуске потенциальные родители могут увидеть, как ребенок играет, учится, что умеет, что любит, о чем мечтает. Программа «Усынови, Москва!» на телеканале ТВЦ освещает жизнь московских приемных семей, рассказывается о трудностях, с которыми сталкиваются приемные родители, обсуждаются вопросы, связанные с обращением в органы опеки и попечительства, сбором документов, поиском ребенка, обучением в Школе приемных родителей.

Немногочисленные специализированные печатные издания остаются малодоступными для большинства граждан. Так, в январе 2017 г. цена одного номера журнала «Защити меня» составляла 984 руб. Далеко не каждая семья может позволить себе на него подписаться.

Итак, можно заключить, что проведение регулярных информационно-просветительских кампаний по устройству детей-сирот в семьи, а также повышение престижа приемной семьи будет способствовать формированию положительного отношения в обществе к детям-сиротам и развитию гражданской активности населения в решении этой насущной для нашей страны проблемы. Важная роль принадлежит и социологическим исследованиям, которые позволяют оценить эффективность проводимой в сфере опеки и попечительства работы. На наш взгляд, было бы полезным создать профессиональное

сообщество журналистов, освещающих проблему сиротства: это позволило бы повысить качество и расширить тематику соответствующих публикаций, теле- и радиопрограмм.

ЛИТЕРАТУРА

1. БЕЛЯКОВ В. В. **Сиротские детские учреждения.** М.: Дон, 1993.
2. ГЕЗАЛОВ А. (2013). **В России завершился конкурс для СМИ, пишущих о проблемах сиротства.** URL: <http://www.portal-nko.ru/dialog/blog/p/7060> (дата обращения 13.12.2016).
3. ЕРЕМИНА Ю. С. **Социальный аспект изучения проблемы социального сиротства** // Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения. 2015. № 3.
4. ИСКРИН Н. С. **Педагогическое пространство социального сиротства** // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. № 6 (25).
5. ШЕВЧЕНКО И. О. **Ситуация после развода: отцы и дети** // Социологические исследования. 2014. № 6.
6. **Сравнительный анализ выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей** (2017). Интернет-проект Министерства образования и науки РФ. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2015/6/> (дата обращения 20.01.2017).
7. **Отношение россиян к проблеме усыновления российских сирот и брошенных детей иностранными родителями** (2013). Аналитический центр Юрия Левады. URL: <https://komitetgj.ru/upload/iblock/05f/05fo839a8da1474aea7f9d3787d8af6e.pdf> (дата обращения 10.01.2017).
8. **Данные социологического опроса по проблеме социального сиротства** // Официальный сайт администрации Первомайского района Тамбовской области (2014). URL: <http://r48.tmbreg.ru/7608/14574/14737.html> (дата обращения 10.01.2017).
9. **Благотворительный Фонд «Найди семью» (2015). Процесс семейного устройства сирот тормозится мифами и психологическими барьерами – исследование.** URL: <http://www.asi.org.ru/protsess-semejnego-ustrojstva-sirot-tomozitsya-mifami-i-psihologicheskimi-bareram-i-issledovanie/> (дата обращения 14.05.2016).
10. **Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (2013). Восприятие проблем детей-сирот и их семейного устройства в российском обществе.** URL: http://storage.esp.tomsk.gov.ru/files/35559/Vospriyatie_detei-sirot.pdf (дата обращения 21.12.2016).
11. **Агентство социальной информации – Центр рекламных исследований Grand Prix** (2011). Особенности использования Интернет-инструментов некоммерческими организациями. URL: http://www.portal-nko.ru/files/Article/461/Files/1/osobennosti_ispol_zovaniya_internet-instrumentov_nko.doc (дата обращения 16.12.2016).
12. **Интернет-портал «Российской Газеты» (2012). Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации».** URL: <http://www.rg.ru/2012/12/29/zakon-dok.html> (дата обращения 11.01.2017).
13. **Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации** (2015). Общественная информационная кампания: 2015 год. URL: <http://fond-detyam.ru/obshchenatsionalnaya-informatsionnaya-kampaniya/2015/> (дата обращения 20.01.2017).

Полемика по книге Ш. Кечкемети, Л. Кёрменди «Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов»

Статья рекомендована Т.В. Ершовой 21.12.2016.

**ПРОЗОРОВА Виктория
Борисовна**

*Кандидат исторических
наук, руководитель
представительства журнала
«Вестник архивиста» в
Европе, Париж, Франция*

Аннотация

Бывший Генеральный секретарь Международного совета архивистов Ш. Кечкемети и венгерский исследователь Л.Л. Кёрменди, работавший с цифровыми архивами в 1975–2012 гг., в 2014 г. написали по заказу швейцарского издательства «Фавр» работу, где утверждают, что уязвимость электронных архивов и непостоянство среды, в которой они существуют, глубоко противоречат их фундаментальной миссии пронести информацию через тысячелетия. Нельзя быть уверенным в возможности ознакомиться с современными электронными архивами через 20 лет, в то время как они могут быть востребованы и через 500 лет. Что, где, как и кому хранить, должны решать архивисты, а не специалисты по информационным технологиям. Современные стандарты и подходы к содержанию электронных архивов не решат проблему, до тех пор пока к выбору носителей информации не начнут подходить, исходя из длительности их предполагаемого хранения.

Ключевые слова:

**обеспечение сохранности
электронных архивов,
международная
стандартизация,
конвертация, миграция,
базы данных, электронная
почта.**

Ш. Кечкемети неоднократно призывал к осторожности и предостерегал от эйфории по поводу наступления электронной эры применительно к архивам. Швейцарское издательство «Фавр» предложило Ш. Кечкемети изложить в виде книги его опасения в отношении электронных архивов. «Эта книга, — сказано в предисловии, — была написана по инициативе нашего издателя, пожелавшего подать сигнал тревоги, возвещающий об опасности утратить архивы, возникшие в эру информатики» [1, р. 19]. Поясним, почему у книги два автора.

Ш. Кечкемети, специалист по архивному праву и организации архивного дела, пригласил в соавторы венгерского архивиста Лайоша Кёрменди, защитившего кандидатскую диссертацию по архивной информатике и руководившего в 1975–2012 гг. информатизацией и переводом в электронную форму документов Национального архива Венгрии. Поэтому первая часть книги была написана Ш. Кечкемети на французском, а вторая — Л. Кёрменди — на венгерском, и затем переведена на французский язык Ш. Кечкемети. Авторы благодарят за помощь в подготовке книги своих друзей и коллег Дженса Боеля, Мари-Анну Шабен, Жака Шулера и Андре Ванри [1, с. 20].

На обширном европейском материале Л. Кёрменди рассмотрел сложности, связанные с длительным хранением электронных документов и документов на новых носителях, созданных за последние 120 лет: устаревание материальной части, программного обеспечения и форматов, отсутствие или неиспользование стандартов, сложная и нестабильная структура документов, усложнение состава их метаданных и реквизитов, защита авторского права. Он предложил

определение архивного документа в цифровую эпоху: «Архивный документ состоит из различных взаимосвязанных элементов: носителя, формы, содержания, идентификатора, структуры и контекста. Подчеркнем, что в отличие от традиционного документа электронный не являет собой единство носителя, формы и содержания» [1, р. 109, 119]. Если метаданные бумажного документа содержались в его формуляре и на обложке дела, в которое он был подшит, то электронный документ, помимо традиционных метаданных, имеет еще и технические — маршрут получения документа, данные о переводе в другой формат [1, р. 115]. Помимо этого, для бумажных и электронных документов актуальна проблема контекстной информации высокого уровня — данных о фондообразователе и истории фонда, тоже отраженных в метаданных. Л. Кёрменди сравнил требования к описанию контекстной информации в разных архивных стандартах: ISAD/G, ISAAR, InterPARES.

Неизменность документа для Л. Кёрменди не равнозначна его полной стабильности во времени и пространстве. Современные технические средства просто не могут обеспечить полную стабильность электронных документов во времени. Л. Кёрменди использует понятие «неизменности документа», созданного в проекте InterPARES: полнота документа и отсутствие в нем повреждений... то есть документ неизменен, когда он полон и невредим в основных своих аспектах». Автор призывает читателей к реализму, утверждая, что для электронного документа «гораздо разумнее, рассматривать неизменность... как некую полноту, сохраняющую все его основные элементы» (record's essence) [1, р. 132, 133.]. Л. Кёрменди подробно анализирует основные составляющие электронного документа и риски, связанные с утерей или повреждением каждого из них.

Помимо технических мер, соблюдение принципов архивоведения тоже гарантирует неизменность документа. Сохранять, по мнению Л. Кёрменди, нужно и связи между элементами формуляра документа, и связи документов между собой. Неизменность нужно поддерживать и для структур более сложных, чем документы — дел и фондов. Некоторые потери внешних связей между документами неизбежны при хранении баз данных и веб-сайтов, потому что это сложные, изменяющиеся объекты. Справочники к поступившему на хранение фонду описывают связи между документами фонда и взаимно гарантируют их подлинность. А уничтожение малоинформативных документов с истекшими сроками ведомственного хранения не нарушает структурную гарантию подлинности, ибо почти не нарушает информационных связей внутри фонда. Такой подход к подлинности и отдельных документов, и их организованных групп М. — А. Шабен оценила как новаторство и применение к новым технологиям базовых принципов архивоведения [1, р. 131, 132.].

Подлинность цифровых документов вызывает сомнения прежде всего потому, что они могут быть легко повреждены или изменены, причем это не оставит никакого следа. Изменение фразы в текстовом документе, цвета изображения в рисунке, фильтрование фона звукозаписи могут не документироваться. Опираясь на критерии стабильности документа группы InterPARES и учебник МСА 2005 г. [2], Л. Кёрменди советует обеспечивать подлинность и стабильность разными средствами на каждом этапе жизни документа: у документа должен быть один идентификатор, все изменения его содержания и формы должны быть записаны в системном журнале транзакций, метаданные документа

(включая контекстные связи) должны систематически пополняться и быть защищены от повреждений, изменений и случайного уничтожения. Структуру базы данных или информационной системы, ее изменения необходимо отслеживать. Метаданные особенно важны для аудиовизуальных документов и баз данных, так как они облегчают поиск информации по ним [1, р. 123]. Конвертация требует периодического контроля состояния носителя, возможности перевода документов в открытый формат без существенных потерь для их содержания, структуры и контекста [1, р. 139].

По мнению авторов книги, бумага еще не исчерпала своих возможностей в деле защиты информации. Л. Кёрменди справедливо напоминает, что передача на хранение зашифрованных документов снижает шансы их использования в будущем. Констатируя, что электронно-цифровая подпись (ЭЦП) не вечна и защищена от расшифровки на срок 5–10 лет, Кёрменди предложил два подхода к хранению в архиве документов с ЭЦП. Госархив австралийского штата Виктория собирает подписанные ЭЦП документы вместе с метаданными в «пакеты» (SIP), подписывает их еще раз, обновляя ЭЦП при каждом повреждении пакета данных. А Национальные архивы Австралии и США разделяют сам документ и ЭЦП, обстоятельства, техника и время создания которой документируются отдельно.

Особенно важен формат электронных документов. Разумно ограничить количество поступающих на архивное хранение форматов тремя путями:

во-первых, создавать в СЭД документы лишь в форматах, пригодных для архивного хранения; это оптимальное решение можно внедрять технически и через нормативно-правовую регламентацию;

во-вторых, если источник комплектования использует негодные для архивного хранения форматы, то перед передачей документов в архив их переводят в форматы длительного хранения; это решение тоже проводят через регламентацию, но здесь нужна проверка качества архивных форматов после конвертации;

в-третьих, архив получает от источника комплектования документы в исходных форматах и сам конвертирует их, гарантируя качество; однако в этом случае стоимость конвертации ложится на архив, которому, сверх плановой миграции уже хранимых документов, придется периодически работать с большим числом исходных форматов [1, р. 145].

Имея в виду опыт экспертов последних лет, Л. Кёрменди советует выбирать форматы для архивного хранения по следующим критериям:

- самый главный критерий — независимость формата от программного и технического обеспечения;
- степень распространенности формата;
- свободный доступ к технической документации о данном формате;
- «прозрачность» формата — отсутствие алгоритмов сжатия, зашифрованных данных или герметичных модулей, мешающих точно идентифицировать его и автоматически контролировать его характеристики;

- полнота и легкость использования метаданных формата*;
- максимальная простота формата, при должной передаче содержания документа и устойчивости к ошибкам;
- автоматическое выявление ошибок и проблем при конвертации;
- совместимость с предыдущими версиями форматов данного ряда (если он входит в семейство форматов);
- отсутствие патента или авторских прав на формат, что означает его низкую стоимость.

Сложности возникают и с форматами электронных документов, уже поступивших на хранение: архивы многих стран были вынуждены перейти на форматы с компрессией и потерей данных для хранения вторых и контрольных экземпляров документов, чтобы уменьшить их общий объем [1, р. 148]. В книге, кроме того, рассматриваются проблемы шифрования, защиты от вирусов и от несанкционированного доступа как факторы, влияющие на долговременную сохранность электронных архивов.

Облачные технологии облегчают пользователям хранение промежуточных архивов, снижая расходы на инфраструктуру. Но провайдеры облачных услуг лишь хранят и выдают доверенные им документы, не заботясь о том, читаемы ли они. Л. Кёрменди убежден, что архивы вряд ли согласятся на экономию ценой полной утраты контроля над находящимися в «облаке» данными [1, р. 167–169].

Миграцию, вернее, конвертацию из устаревших форматов в новые, выбрали большинство архивов, хранящих электронные документы. Здесь новаторским стал концепт «сути» документа (record's essence), которую архивисты Австралии предлагают любой ценой сохранять. Проанализировав опыт конвертации, Л. Кёрменди предложил простые правила, обеспечивающие ее успех:

1. первая миграция должна происходить как можно ближе к дате создания файла, чтобы максимально использовать всю доступную информацию для исправления ошибок и документирования контекста;
2. никогда не конвертировать повторно уже конвертированные данные;
3. не проводить миграцию и конвертацию зашифрованных, подписанных ЭЦП или защищенных паролем документов;
4. использовать программы конвертации, автоматически выявляющие проблемы в документах, созданных при миграции (конвертации), а не только выборочно проверять конвертированные данные;

* Первые пять требований взяты автором из работы Малькольма Тодда 2009 г. «Форматы документов для архивного хранения» См.: Todd Malcolm. File Formats for Preservation (technology Watch Report)/ Digital Preservation Coalition, 2009. P.13-15. Pervye pjat' trebovanij vzjaty avtorom iz raboty Mal'kol'ma Todda 2009 g. «Formaty dokumentov dlja arhivnogo hranenija». The first five requirements were taken by the author from the book of Todd Malcolm. File Formats for Preservation (technology Watch Report)/ Digital Preservation Coalition, 2009. P.13-15.

5. наконец, самое неожиданное для адептов «безбумажного» архива требование: всегда сохранять исходные документы (электронные или бумажные оригиналы оцифрованных); именно поэтому архивы зачастую хранят три комплекта документов — оригиналы, матрицы (копии хранения), копии для использования.

Эмуляция, или имитация, современными средствами оригинальной исходной программной среды требует высочайшей компетенции программистов, ибо нужно не только заставить работать операционную систему и конкретную программу, но и все файлы, обеспечивающие нормальную работу этих двух компонентов информационной среды. Эмуляция, возникшая как альтернатива миграции и конвертации данных, имеет два недостатка:

- требует значительных инвестиций в поддержку «законсервированного» программного обеспечения;
- не позволяет защитить документы надежнее, чем они были защищены в исходной программной среде.

Авторы считают, что хотя есть много архивов, которые можно хранить без ущерба для их содержания и в электронном и в бумажном виде, существует три возникших в новейшее время и тесно связанных с электронной средой вида документов: сообщения электронной почты, базы данных и веб-сайты.

Сообщения электронной почты — самые распространенные электронные документы. По мнению Л. Кёрменди, лучше всего включить их согласно номенклатуре в число документов-приложений в СЭД, а затем перевести в формат XML и хранить вместе с другими документами на защищенном сервере. Автор не советует прибегать для хранения этих документов к эмуляции, предлагая хранить файлы-вложения с учетом разнообразия их форматов отдельно, указывая в метаданных их связь с сообщениями [1, р. 178]. Напомним, что СЭД «Альфреско» работает именно так, автоматически распределяя электронную почту по рубрикам номенклатуры дел, а затем хранит ее в «облаке» или на сервере.

Базы данных — сложные и меняющиеся во времени структуры, конгломерат постоянных и временных записей — источник, наиболее сложный для хранения. Поскольку каждая база данных развивается, то прежде всего нужно сохранить схему ее организации, первоначальную структуру и первичный состав записей, а затем регулярно отправлять в архив только измененные данные. Эмуляция базы данных оправдана, если нужно сохранить ее основные функции. Проблема в том, что нередко фондообразователь не может передать архиву лицензию на использование программного обеспечения базы данных вместе с ней [1, р. 180]. Л. Кёрменди сравнил два самых успешных проекта обеспечения сохранности баз данных — швейцарский SIARD и баварский CHRONOS.

Программное обеспечение и стандарт описания баз данных SIARD (Software Independent Archiving of Relational Databases), разработанные Федеральным архивом Швейцарии, опираются на открытые стандарты XML, SQL, ZIP и UNICODE. По SIARD конвертируют содержание полей базы, описывающие их метаданные, связи между данными, полями таблицы и таблицами, информацию об управлении базой. В отличие от принятого во Франции метода хранения данных, экспортированных из базы, в формате ASCII, SIARD позволяет

закодировать структуру базы (список таблиц и полей, дескрипторы к таблицам, состав таблиц и типы полей) и при необходимости воссоздать саму базу данных.

Разработанная в Баварии (Германия) система CHRONOS предлагает иной подход, использующий формат ASCII/UTF для данных и формат XML для метаданных и решающий следующие основные задачи:

- отделить данные от исходной программы;
- сохранить исходную структуру и семантику данных в доступной человеческому глазу форме;
- объединить все базы данных, поступившие на хранение в архив, в одну;
- увеличивать данные путем их приращения;
- обеспечить доступ к данным через сайт в интернете;
- создать функции импорта и использования текстовых файлов.

Автор считает использование форматов ASCII и XML важным фактором долгосрочной сохранности данных, ибо они не зависят от программных и технических средств и могут быть прочитаны при помощи простого навигатора [1, p. 180–182].

Веб-сайты — еще один источник, крепко связанный с электронной средой. Библиотеки и архивы сейчас активно комплектуются веб-сайтами, но если для библиотеки сайт — публикация или издание, то для архива это лишь часть фонда фондообразователя. Проблемы создают сложная структура сайтов, гипертекстовые ссылки, разнообразие форматов и быстрое устаревание данных о локализации. По статистике Л. Кёрменди, 44% информации обычного сайта исчезает через 25 дней, а 25% его информации стабильны из года в год, но даже в научной публикации в интернете треть ссылок и цитат не работает через 10 лет. Мы считаем, что проблему нестабильности ссылок неплохо решает протокол ARK (archival resource key), созданный в США и позволяющий делать постоянные ссылки на опубликованные в Сети документы, о котором Л. Кёрменди не упомянул. При комплектовании сайтами организаций Л. Кёрменди советует рассматривать их как систему документов, применяя к каждому экспертизу ценности. Основная проблема комплектования сайтами не в слабой теоретической базе экспертизы ценности для них или в сложности применения авторского права, а в том, что архивные программы-роботы имеют равные права с посетителями сайтов, а закрытые данные доступны лишь через сервер.

Л. Кёрменди рассказал об электронных носителях и документах, которые почему-либо погибли, хотя были гораздо моложе документов на бумаге. Он убежден, что если пропадут архивы госструктур, сузится спектр исследований историков, расцветут злоупотребления и ослабнет контроль гражданского общества за властью. Он пишет: «Безошибочно можно узнать авторитарные политические системы по следующему признаку: если власть через законы и подзаконные акты пытается помешать гражданам получить доступ

к документам (а аргументов для ограничения доступа всегда хватает) — демократия в опасности».

Л. Кёрменди детально изучил самые распространенные носители для электронных документов — магнитный и оптический, и заключил, что «стандарты устаревают за 10–15 лет, а это значит, что используемые сегодня носители, возможно, станут нечитаемыми через 20 лет». Посвятив 37 лет информатизации архивов, он убедился, что заявления производителей CD DVD об их сохранности в течение 100 лет, лишены смысла, ибо материальная часть и программное обеспечение устареют гораздо быстрее: «Сам по себе долговечный носитель без считывающих устройств и программ не имеет большой ценности» [1, р. 188]. Цифровые носители куда больше бумаги страдают от внешних факторов: магнитных полей, коррозионных газов, пыли, отклонений от оптимального температурно-влажностного режима, механических повреждений (которые можно нанести и при проверке сохранности). Поэтому лучше любые цифровые данные хранить на двух разных носителях.

Выбирая носитель, нужно сразу составить программу обеспечения сохранности, четко указав частоту проверок носителя, допустимое количество ошибок, их критический порог, при достижении которого проверяется весь корпус записей. Важно учесть, что стоимость регулярных проверок носителя измеряется в человеко-часах: 10 Тб данных можно записать и на 140 лентах DAT/DLT и на 1300–1600 CD [1, р. 188, 189.]. М. — А. Шабен в своей рецензии пишет, что авторы верно указали на высокую стоимость смены носителей электронных архивов.

Итоги этого обзора подтверждают описанные Ш. Кечкемети две альтернативы развития нашей отрасли, когда (лет через 40, по оценкам французских архивистов) в архиве будет больше электронных архивов, чем бумажных:

- либо фондообразователи и источники комплектования будут сами поддерживать цифровые документы в читаемом состоянии неопределенно долго, что грозит раздробленностью архивной отрасли и распылением электронной архивной памяти государства;
- либо власть обеспечит сохранность цифровых архивов, что, кажется, предпочли страны, наиболее продвинутые в цифровых технологиях, но и тогда встанет вопрос стоимости. «Сможет ли государство покрывать десятилетие за десятилетием стоимость хранения все возрастающей массы электронных архивов?», — спрашивает Ш. Кечкемети. Практика подтверждает правомерность вопросов о стоимости хранения и реальности отказа от бумаги как от носителя для долговременного хранения.

Французский журнал «Аршимаг» за февраль 2015 г. привел тревожные результаты опроса кабинетом «Вансон Бурн» 3300 руководителей служб информатики фирм в 24 странах о сохранности информации. 64% опрошенных фирм в 2014 г. теряли данные и приостанавливали из-за этого свою работу. Для 36% фирм потеря данных привела к потере прибыли, для 34% — к отставанию в инновациях. Потери составили 1,5 млрд евро, или 1,7 млрд долл. Более

того, с 2012 г. объем потерянных организациями данных увеличился на 400% по сравнению с 2012 г. [3, р. 9].

Л. Кёрменди учел мнение Кеннета Тибодо и Тьерри Эствуда, изучил проблемы, с которыми сталкиваются архивы разных стран при хранении и повторном использовании цифровых документов, и сделал вывод: «В свете опыта последних десятилетий мы можем с уверенностью утверждать, что электронные документы не могут быть сохранены в своем первоначальном состоянии в течение сотен или даже десятков лет», через какое-то время они станут нечитаемыми. Самое большое, что можно сделать — перевести документы в некое состояние, в котором их можно будет прочесть в обозримом будущем, и хранить их в этом состоянии [1, р. 163, 164]. Рассмотрев требования законов, возможности техники и стратегии сохранения электронных архивов, Л. Кёрменди заключил, что оптимальное решение — гибридные системы документооборота, когда создание документов и их передача от одних лиц к другим происходят с использованием электронного носителя, а завершенные документы и дела хранятся на бумаге [1, р. 173, 174].

Как же приняли книгу двух авторов во Франции? Автор лучшей рецензии на «Написанное улетает» М. — А. Шабен согласна с Ш. Кечкемети и Л. Кёрменди в том, что ключ к решению анализируемых проблем — творческое использование теории и методики архивоведения в новых условиях. Несколько экспертов, реально столкнувшихся с серьезными проблемами в обеспечении сохранности электронных архивов, признают в своих блогах или в кулуарах конференций, что такая книга давно была нужна. Но отзывы экспертов не были официальными, потому что столь смелая постановка острых проблем, с привлечением примеров из опыта архивов разных стран непривычна для архивного сообщества Франции. Руководство отрасли пыталось не заметить появление книги, но ее прочли слишком многие рядовые архивисты, чтобы можно было отмолчаться.

Тогда на последней странице информационной брошюры «Архивисты!» (а не престижной «Архивной газеты») управляющий документами страховой компании «Аллианс Франс» Катрин Бертон публикует маленькую заметку на 450 знаков, где признает «интересной» историческую перспективу, построенную Ш. Кечкемети, и рекомендует тем, кто начинает заниматься электронными архивами, использовать написанную Л. Кёрменди часть в качестве справочника. Тон и строй заметки убеждают читателя, что издатель напрасно волновался о судьбе электронных архивов и заставил написать об этом авторов (о которых читателю ничего не сообщается). Выбор в качестве рецензента рядового руководителя архива частной фирмы говорит о том, что государственных архивов Франции затронутые в книге вопросы вроде бы не касаются. Характерно, что рядом опубликована хвалебная рецензия редколлегии на справочник «Электронные архивы» Л. Хашимото, Л. Бешара и Э. Васера [4], смело внедряющих иногда модные, иногда ошибочные технические решения без их теоретического осмысления и прогноза их отдаленных последствий. Залог успеха проекта электронного архива молодежь видит в правильном управлении проектом, а не во всестороннем знании технологии, теории и методики. Им неизвестно, что «оптимальное управление» ущербным или ошибочным с технической точки зрения

проектом не спасет его. Но эта технократическая книга, которая устареет года через три, гораздо выше оценена редколлегией «Архивистов!».

К. Бертон ошиблась, увидев в книге «Написанное улетает» лишь «справочник» по долгосрочному хранению электронных архивов [5]. Кроме М. — А. Шабен официально никто не оценил того, что Ш. Кечкемети поместил «модный» вопрос об электронных архивах в многолетний контекст развития архивной мысли и практики, с неизбежной борьбой ложных и истинных идей. И даже если Л. Кёрменди изложил актуальную информацию о технических решениях, нормативно-правовой регламентации электронных архивов, то его позиция оставалась весьма критичной, лишенной характерного для большинства французских справочников и «белых книг» восхищения всемогущей технологией и стремительным техническим прогрессом. Заслуга второй части книги в том, что применительно к каждому техническому решению и каждому подходу поставлены все вопросы, на которые обязан ответить руководитель проекта или учреждения, где планируется хранить электронные архивы. Причем на многие вопросы ответы даны с примерами из практики архивов Европы за последние 40 лет.

К сожалению, пока нельзя сказать, что обсуждаемая книга изменила архивную политику в отношении электронных документов, потому что:

- не все ее читатели имеют достаточный теоретический багаж и опыт работы (авторы упомянутого справочника ААФ еще не родились, когда Кёрменди уже работал с электронными архивами), не говоря о том, что сомнения мало поощряются архивной государственной службой;
- в руководстве отрасли нет политической воли идти против моды на «ноль бумаги и все электронное» и вставлять палки в колеса одного из редких работающих секторов экономики Франции — новых информационно-коммуникационных технологий.

Мы полностью солидарны с мнением М. — А. Шабен о ситуации в архивном сообществе и о значении этой книги: «Если архивоведение хочет принять вызов цифровой эпохи и выжить, оно непременно должно вновь обрести присущие только ему черты и высказать особенную, архивную точку зрения. Читайте книгу Шарля Кечкемети и Лайоша Кёрменди и участвуйте в дискуссии!» [6]. Наша рецензия намеренно содержит большие цитаты, потому что мы считаем абсолютно необходимым познакомить российских архивистов с этой действительно смелой и необычайно интересной работой. Мы очень надеемся, что и эта рецензия и, возможно, перевод самой книги, оживят в России ту остро необходимую дискуссию, которая, увы, так и не состоялась во Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. KECSKEMÉTI CH., KÖRMENDY L. **Les écrits s'envolent: la problématique de la conservation des archives papier et numériques. Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов. Napisanное uletaet: problemy hranenija bumazhnyh i cifrovyh arhivov.** Favre, 2014.
2. **Les archives électroniques: manuel à l'usage des archivistes. Электронные архивы: учебник для архивистов. Jelektronnye arhivy: uchebnik dlja arhivistov** [Electronic records: a workbook for archivists]/éditeur Macdonalds Andrew (CIA studies).2005. Accessed 18.03.2016 on <http://www.ica.org/10802/etudes-et-tude-de-cas/etude-de-lica-n16-les-archives-lectroniques-manuel-lusage-des-archivistes.html>
3. **Archimag: stratégie & ressources de la mémoire & du savoir. Аршимаг: стратегия и ресурсы памяти и познания. Arshimag: strategija i resursy pamjati i poznanija** [Archimag: strategy & resources of memory & of knowledge], Paris, février 2015. № 281. P. 9.
4. BÉCHARD L., HASHIMOTO L., VASSEUR E.. **Les archives électroniques.** Бешар Л., Хашимото Л., Вассер Э. Электронные архивы. Jelektronnye arhivy [Electronic archives]. Paris., 2015.
5. BERTON CH. LES ÉCRITS S'ENVOLENT, **la problématique de la conservation des archives papier et numérique: note de lecture. Бретон К. Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов: записки по ходу чтения Napisanное uletaet: problemy hranenija bumazhnyh i cifrovyh arhivov: zapiski po hodу chtenija** [The writings fly away: the issue of conservation of paper and digital archives: notes in the margin.] // Archivistes! la lettre de l'Association des archivistes français [Archivists! The letter from the Association of French Archivists], Paris, janvier-mars 2015. № 112. P. 71.
6. CHABIN M. — A. **Les écrits s'envolent...: un cri d'alarme pour les archives. Шабен М. — А. Написанное улетает: зов о помощи архивам. Napisanное uletaet: zov o pomoshhi arhivam** // Le numérique trace, la mémoire passe: le blog de M-A. Chabin. 2014. 1 octobre. Режим доступа: <http://marieannechabin.blog.lemonde.fr/2015/11/02/livres-archivistique/> (дата обращения 12.03.2016)

Публичная коммуникация в блогосфере как коммуникативная интернет-технология

Статья рекомендована Г.А. Заикиной 16.12.2016.

БРАЗЕВИЧ Дмитрий Святославович

Кандидат социологических наук; доцент Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

ВАСИЛЕНКО Виктор Леонидович

Доктор экономических наук; профессор кафедры Финансового менеджмента и аудита Факультета технологического менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

ГЕРАСИМОВА Анна Юрьевна

Кандидат педагогических наук; доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

ТОЛСТИКОВА Ирина Ивановна

Кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики

Аннотация

В статье анализируется эволюция мировой блогосферы как особого информационно-коммуникативного пространства, предоставляющего новые социальные возможности и перспективы. Утверждается, что мировая блогосфера развивается как новая публичная сфера, особая форма персонализированной журналистики и бизнеса, дискуссионная площадка для обсуждения актуальных социальных, политических и экономических проблем. В то же время в России основная часть блогосферы ориентирована в ином направлении – как площадка самопрезентации и самовыражения, ориентированная на молодежную аудиторию.

Ключевые слова:

информационно-коммуникативное пространство, интернет-технология, интернет-коммуникация, блог, блогер, блогосфера, блогвая коммуникация.

Возникновение сети Интернет как средства массовой коммуникации привело не только к появлению различных сетевых сообществ в глобальной информационной среде, но и к формированию особой культуры интернет-общения. Сегодня огромное число людей оказалось включенным в международную систему интернет-коммуникации, которая связывает представителей различных культур, традиций и религиозных воззрений.

С появлением интернет-коммуникации актуальным стал вопрос о формировании речевых жанров, функционирующих в коммуникативной среде интернета, что свидетельствует об изменении прагматических установок и целей участников интернет-взаимодействия, актуализации феномена языковой личности, которая презентует себя через жанровую систему. Особого внимания заслуживает такой феномен, как блог, предполагающий периодические записи (посты), расположенные в обратном хронологическом порядке и позволяющие читателям оставлять свои комментарии к заметкам автора. Все блоги обычно тесно связаны между собой, блогеры читают и комментируют друг друга, ссылаются друг на друга, создавая таким образом собственную среду – блогосферу. Основной социальной функцией блогов является удовлетворение

человеческой потребности в самовыражении и коммуникации. Сегодня это понятие и его различные производные — блогосфера, блогинг, блогер и т.п. — становятся все более популярными и употребляются в самом широком контексте.

В 1999 г. американский онлайн-словарь «Merriam-Webster On-Line» опубликовал неологизм «blog», определяя его как: «1) веб-сайт, содержащий онлайн-персональный дневник с размышлениями, комментариями и гиперссылками, созданными автором; 2) содержание такого дневника». Уже в 2004 г., по оценке того же «Merriam-Webster», «блог» стал «словом года», занимая лидирующее положение в запросах читателей (BBC News, 2004).

Сегодня глобальная блогосфера все чаще определяется как новая публичная сфера, в терминологии Ю. Хабермаса [11], то есть открытое рефлексивное поле коллективного обсуждения политических, экономических и социальных вопросов, специфическая форма новой журналистики. Динамично развивающийся феномен блогосферы не только растет количественно, но и активно дифференцируется, образуя взаимосвязанные либо относительно независимые поля с особыми социальными характеристиками, целями и поведением пользователей.

«Родословная» блогов сочетает в себе практики символического самовыражения личности через текст, традиции независимой журналистики и особенности неформальной коммуникации в самоорганизующихся группах. Официально первыми блогами, или сетевыми дневниками (от «weblog» — букв. «записывать события в сети»), принято считать несколько интернет-проектов, осуществленных в 1990-е годы. Первым блогом на базе домашней веб-страницы стала в 1992 г. персональная новостная страница создателя технологии WorldWideWeb, швейцарского математика, а ныне профессора Массачусетского технологического института Тима Бернерса-Ли. В 1994 г. американский студент Джастин Халл начал вести первый онлайн-дневник <http://links.net/>, целью которого, по его собственным словам, была фиксация «хроники моего времени на этой Земле». В последующие годы число персональных домашних страниц, содержащих данные дневникового характера, постепенно увеличивается, их создают студенты, программисты, журналисты и т.д. В декабре 1997 г. Йорн Баргер, автор интернет-дневника «Robot Wisdom» (<http://www.robotwisdom.com/>), предложил термин «weblog», произведенный от «logging the Web» и в дальнейшем сокращенный до «блога». Первые онлайн-дневники представляли собой статичные веб-страницы, обновляемые вручную, известные относительно небольшой аудитории и не имеющие потенциала к иному росту, кроме содержательного.

Переход к следующей стадии развития — собственно «блогосфере» — происходит в конце 1990-х годов с появлением новых технологий веб-публикации, обладающих рядом особенностей:

- простотой в использовании и отсутствием требований специальной технической компетентности;
- бесплатностью и публичным характером, возможностью участия всех желающих;

- возможностью создания перекрестных ссылок, что позволяет пользователю самостоятельно управлять информационными потоками и формировать собственные динамические страницы, которые отражают изменения и обновления интересующих пользователя участков блогосферы в режиме реального времени.

На рубеже 2000-х годов были разработаны и начали активную информационную деятельность основанные на подобных специализированных технологиях площадки блоговой коммуникации, которые успешно работают по сей день: «Open Diary» (1998), «LiveJournal» (1999), «Xanga» (1999), «Blogger» (1999) и др. Возможность связывать отдельные блог-проекты с помощью горизонтальных ссылок и взаимных комментариев и просматривать тематическую информацию по всему полю блогов обусловила перспективу развития блога как популярной и перспективной формы интернет-коммуникации. Самоорганизующееся и содержательно дифференцированное поле блогов породило особый интернет-феномен — блогосферу, заложившую основы новой коммуникационной интернет-культуры и ставшую прототипом для следующего этапа развития интернета — социальных сетей.

Термин «блогосфера» был предложен в 1999 г. Брэдом Грефом, автором сетевого дневника «Брэдланд». Шутливая фраза Грехема «Прощай, киберпространство! Привет, блогоселенная! Блогосфера? Блогмос?» [3] не получила широкой известности. Однако в 2002 г. термин вновь оказался на плаву. Блогосфера выступила как объединенная сила отдельных сообщений и комментариев, способная демонстрировать общественные настроения по поводу политических событий и воздействовать на общественное мнение. Политический резонанс спровоцировал всплеск интереса к блогам со стороны бизнеса и политики, обусловив спрос на систематический анализ блоговой коммуникации. Аналитический портал Technorati (<http://technorati.a/state-of-the-blogsphere/>), с 2002 г. осуществляющий мониторинг мировой блогосферы, констатировал удвоение количества блогowych аккаунтов каждые 5–7 месяцев в период 2003–2006 гг. В 2009 г. в связи с замедлением мировых темпов роста и увеличением числа заброшенных, фальшивых и спам-аккаунтов «Technorati» переориентирует свою деятельность на качественное изучение англоязычного сектора блогосферы, фокусируясь на целях и мотивации, типах пользователей.

Информационное поле мировой блогосферы состоит из новостей, мнений, фотографий, мультимедиа, портфолио, вопросов и ответов, личных, социальных и бизнес-проектов. Современные блоги можно рассматривать в нескольких основных перспективах, в том числе как новую форму: самопрезентации и самореализации; осуществления социальных интеракций и поддержания межличностных и групповых социальных отношений; информационного поиска и информационной деятельности; бизнеса.

По мнению ряда исследователей, блогосфера сочетает в себе два аспекта, каждый из которых предполагает особую мотивацию.

Блог как *локальная коммуникационная площадка* это:

- персонализированная среда коммуникации, включающей в себя установки приватности;
- пространство самовыражения;

- источник информации;
- персональный информационный инструмент.

Блогосфера как *общая информационно-коммуникационная среда* обеспечивает:

- возможность межличностной коммуникации вне пространственных, временных, социальных и культурных границ;
- установление персонализированной сети социальных и информационных контактов, объединяющих людей по географическим, социальным, культурным, психологическим, стилевым и прочим признакам;

Кроме того, блогосфера может служить *инструментом создания собственного контента* в результате компиляции содержания чужих блогов.

Особенности технологии представляют блог в трех важнейших измерениях.

1. *Временное измерение (история)*: сообщения, или посты, упорядочены в обратном хронологическом порядке; блог, таким образом, представляет собой архив социально-коммуникативной истории автора, а его чтение — наблюдение динамики развития данного коммуникативного поля.
2. *Социальное измерение (сообщество)*: социальные связи в блоггинге осуществляются посредством сети гиперссылок; страницы ссылок — френдленты, RSS-ленты — выступают в качестве инструмента социального структурирования, формируя особый вид социальных сообществ взаимного чтения и комментирования.
3. *Информационное измерение (содержание)*: блогговые технологии предоставляют удобный инструмент управления содержанием — систему ключевых слов, или тегов. Теги позволяют авторам и читателям блога упорядочивать темы сообщений, демонстрируя преобладание определенных коммуникативных интересов.

Дифференциация блогосферы по содержанию позволяет выявить специфические области, отличающиеся по тематике, социальному составу пользователей и целевой ориентации. Аналитический отчет исследовательского отдела IBM за 2005 г. выделяет следующие мотивы ведения блогов:

- документирование событий жизни;
- онлайн-связи с другими людьми;
- выражение глубинных чувств и эмоциональная разрядка;
- обмен мнениями, формулировка и обсуждение идей;
- обмен опытом;

- дополнительная зарплата;
- «городская журналистика»;
- поиск общественного одобрения;
- организация и поддержание общественных дискуссий;
- поиск новых профессиональных и коммерческих возможностей.

Современное состояние мировой блогосферы демонстрирует тенденцию нарастающей профессионализации. По результатам качественных исследований 2009–2011 гг., «Technogati» выделяет пять типов блогеров.

Тип 1. «Хоббиисты» (60%) ведут блоги ради собственного интереса, не преследуя никаких коммерческих целей. 60% хоббиистов тратят на блог менее 3 часов в неделю. Основными целями подобных блогов являются самовыражение и представление личных мнений и взглядов, а показателем результативности выступает субъективная удовлетворенность автора (72%).

Тип 2–3. Частично и полностью занятые профессионалы (18%). Данную группу составляют независимые блогеры, сотрудничающие с различными организациями и компаниями. Для них блоги являются источником дополнительного дохода либо основным профессиональным занятием. Наиболее популярные и конкурентные сферы деятельности — информационные обзоры или новости технологий.

Тип 4. Корпоративные блогеры (8%). Данную группу составляют те, для кого ведение блога является частью основной работы, либо те, кто ведет блог, созданный для решения задач нанимающей организации. Независимые блогеры-профессионалы и работающие по контракту корпоративные блогеры составляют особый класс информационных работников. Мобилизация интернета позволяет участникам данной группы создавать виртуальные информационные офисы, оставаясь на связи практически постоянно.

Тип 5. Предприниматели (13%). В этом случае блог является частью деятельности организации или компании, принадлежащей самому блогеру. 84% подобных блогеров пишут о соответствующих видах индустрии, при этом 46% посвящают свой блог в основном вопросам бизнеса, а 40% — особенностям технологий. 76% блогеров делятся специализированными знаниями, 70% — стремятся заслужить профессиональное признание, 68% нацелены на поиск новых клиентов.

Рабочим местом блогера конца 1990-х — начала 2000-х годов являлся домашний офис. Круглосуточная занятость семь дней в неделю предполагает, что блогер непрерывно отслеживает и поддерживает информационный поток сообщений и комментариев. Публикация материалов в блогах и комментирование взаимно дополняют друг друга, создавая замкнутый цикл информационного обмена.

Мобилизация коммуникативных технологий позволяет современным блогерам получать доступ к сети практически в любой точке пространства, обеспечивая возможность интегрировать блогинг практически в любую социально практику. Если рассматривать блоги как особую форму «новых медиа», это становится значительным преимуществом, так как новая информация может поступать в сеть в режиме прямого репортажа.

Замкнутый информационный цикл блогинга включает в себя следующие процессы:

- мониторинг сетевых и реальных событий;
- обмен комментариями по поводу событий с целью их интерпретации и создания частных и публичных мнений;
- публикацию собственного материала по поводу событий;
- обмен комментариями по поводу собственного материала;
- мониторинг цитирования собственного материала.

Российская блогосфера занимает особое место в глобальном информационном пространстве. В конце 1990-х годов личные блоги на базе домашних веб-страниц представляли собой точки социальной, творческой и деловой активности, тесно связанные с соответствующими социальными сетями журналистов, литераторов, издателей, программистов, людей науки и просто свободных художников. Подобные точки являлись центрами притяжения особых коммуникативных зон, объединяя пользователей со схожими культурными, образовательными и стилевыми характеристиками. Анализируя социальные особенности Рунета конца 1990-х годов, исследователи сетевой культуры и интернет-проектов отмечали, что большинство активных участников сети можно назвать людьми, «живущими за счет информации».

В пространстве Рунета блогерская коммуникация представителей гуманитарных профессий развивалась более активно, чем технических. В числе ресурсов, определяемых как наиболее активные и содержательные коммуникационные зоны Рунета, присутствуют персональные страницы филологов, переводчиков, независимых журналистов и писателей.

Средний возраст активных пользователей Рунета конца 1990-х — начала 2000-х годов не превышал 35 лет, а социально-коммуникативное пространство обладало такими качествами, как социальная сплоченность, декларируемая независимость и самодостаточность по отношению к реальному миру, борьба за социальное влияние в сетевой среде, осуществляемая через демонстрацию информированности, креативный подход к формированию сообщений. В отличие от англоязычной блогосферы, основная часть пользователей которой выступает под реальными именами, в Рунете коммуникация под псевдонимами, конструирование социальных масок и вымышленных сетевых персонажей являются скорее нормой, нежели исключением.

Преобразование интернета в середине 2000-х годов в массовый информационный ресурс затронуло и блогерскую коммуникацию, обусловив расширение и качественное изменение коммуникативного поля. По данным на октябрь

2012 г. (<http://www.LiveJournal.com/stats.bml>) [11], в мировом «LiveJournal» было зарегистрировано более 39 млн. аккаунтов. Из них когда-либо обновлялись около 20 млн., а активны в настоящее время лишь 1,7 млн. Среди благо-пользователей 44,8% мужчин и 55,2% женщин, в основном в возрасте от 19 до 44 лет. В русскоязычном ЖЖ, напротив, преобладают мужчины — 51,2%. Мужчины демонстрируют и более высокую активность — в среднем они комментируют записи в 1,5 раза чаще, чем женщины. Более 36 млн. человек во всем мире посещают «LiveJournal.com» ежемесячно [11]. Русскоязычный сегмент «LiveJournal» насчитывает более 5 млн. зарегистрированных аккаунтов. По данным официальной пресс-службы Живого Журнала, в 2011 г. среднестатистический пользователь русскоязычного сегмента «LiveJournal» — это молодой человек 25 лет, живущий в Москве, с высшим образованием и средним уровнем дохода. Самая многочисленная возрастная группа русскоязычного ЖЖ — 25–34 года. Основная масса пользователей проживает в таких крупных городах, как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Самара, Уфа, Нижний Новгород, Казань, Пермь и Краснодар.

Особенности технологий в сочетании с культурными характеристиками отечественной блогосферы обуславливают социальную специфику российской блогерской коммуникации: преобладание эгоистических ценностей, развитие ресурсов межличностного взаимодействия и построение частной коммуникативной сферы с использованием настройки приватности. Идея технологически измеримого социального капитала, активно внедряемая сегодня администрацией блогерских ресурсов, также ориентирует пользователей на достижение частных целей. Мерилом ценности поста является не столько его содержание, сколько количество комментариев и привлеченных «френдов». Ориентация на подобную количественную популярность провоцирует инфантилизацию коммуникации, связанную с актуальными для молодежи мотивами самоутверждения, самопрезентации и самоидентификации. Это отражается в преобладании интересов персональной коммуникации и самовыражения над интересами деловыми. Отечественная блогосфера, в отличие от англоязычной, практически не развивается в направлении целенаправленной коммерциализации. Незрелая категория независимых блогеров-профессионалов, которые могли бы жить за счет рекламных доходов своего дневника. Большинство российских блогеров, заинтересованных в коммерциализации информации, относятся к смешанному типу, сочетая участие в блогинге с основной занятостью. В то же время появляется все больше корпоративных блогов, отражающих неформальную сторону продукта или деятельности компании, часто выдержанных в ироническом, игровом, нарочито неформальном духе и рассчитанных на популярность среди молодежной аудитории.

Таким образом, изучение блогов и поведения пользователей-блогеров должно вестись с учетом нескольких ключевых аспектов. Во-первых, следует учитывать динамичную структуру блогосферы и обращать внимание не столько на возрастные, гендерные или другие базовые показатели, сколько на их связь с поведением блогера — мотивацией, выбором тем, структурой журнала. Во-вторых, целесообразно принимать во внимание социокультурные особенности региона, блогосфера которого изучается. В-третьих, необходимо иметь в виду

самоидентификацию блогеров, которая накладывает отпечаток на их представление об общественных стереотипах.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВЕРБИЦКИЙ М. **ЛJ: конец эпохи** // Русский журнал. 06.07.2005. URL: <http://www.russ.ru/pole/LJ-konec-epohi>
2. ГОРНЫЙ Е. **Net-культура и власть** // Русский Журнал. 02.04.1998. URL: http://www.zhurnal.ru/staff/gorniy/texts/netcult_power.html
3. ГОРНЫЙ Е., ШЕРМАН А. **Инфократия, или конец отчужденного труда** // Современное искусство в Сети. 26.03.1999. URL: <http://www.guelman.ru/obzory/gorniy.blml>
4. ГОРОШКО Е. И. **Гендер и блогика Интернета** (психолингвистический анализ) // Вопросы психолингвистики. 2007. Вып. 5. С. 52–63.
5. КАРАУЛОВ Ю. Н. **Русский язык и языковая личность**. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
6. КУЗНЕЦОВ С. **Ощупывая слона: заметки по истории Русского интернета**. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
7. ЛЕЙБОВ Р., ДАВЫДОВ И. **Блоги — это надолго. Беседа с Романом Лейбовым об утопии массмедиа и реальности блогов** // Эксперт. № 1–2 (543). 15.01.2007. URL: <http://expert.ru/expert/2007/01/leybov>
8. ПАНОУШЕВА М. М. **Блогосфера: традиционные СМИ vs нетрадиционные** // Вестник Московского ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 4. С. 106–122.
9. ПОДШИБЯКИН А. **По живому. 1999–2009: Live Journal в России**. М.: КоЛибри, 2010.
10. **Пресс-служба LiveJournal.ru**. 30.05.2011. URL: <http://www.livejournal.ru/themes/id/29599>
11. ХАБЕРМАС Ю. **Теория коммуникативного действия** // Вестник Московского ун-та. Серия 7. Философия. 1993. № 4. С. 43–63.
12. **«Blog» picked as word of the year. BBC News**. 01.12.2004. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/4059291.stm>.
13. **Blog** // Merriam-Webster On-Line Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary>
14. GRAHAM B. L. **A personal blog of travels and travails on the Web** // Weblog archive.10.09.1999. URL: <http://www.bradlands.com/weblog/archive/1999/09/>
15. KOBAYASHI M. **Bloggng around the globe: motivation, privacy concerns and social networking**. Research report // IBM-Research-Tokyo, 2005. URL: <http://researcher.ibm.com/files/jp-ME1/BAG.pdf>.
16. **State of the Blogosphere 2011: Introduction and Methodology** // Technorati Media. 04.11.2011. URL: <http://technorati.com/social-media/article/state-of-the-blogosphere-2011-introduction/>

Освещение предвыборных кампаний в СМИ и электоральный интерес

Статья рекомендована Г.А. Заикиной 18.12.2016.

ЕФАНОВ Александр

Александрович

Кандидат социологических наук; старший преподаватель кафедры журналистики Оренбургского государственного педагогического университета

Аннотация

В статье рассматриваются стратегии освещения предвыборных кампаний в СМИ с точки зрения их влияния на электоральный интерес. Предметом изучения стали избирательные процессы 2016 г. в России и США. За основу исследования взяты материалы информационных и общественно-политических программ федеральных и региональных телеканалов, а также посты жителей Оренбургской области в социальных сетях. Применялись методы количественного контент-анализа и дискурс-анализа. Автор приходит к выводу, что освещение предвыборных кампаний в СМИ и электоральный интерес находятся в прямой и обратной зависимости.

Ключевые слова:

электорат, электоральный интерес, электоральная активность, предвыборная кампания, выборы, СМИ, Оренбургская область.

Влияние средств массовых коммуникаций на политические процессы трудно переоценить. Формируя повестку дня, современные медиа привлекают внимание аудитории к знаковым темам, среди которых политика всегда занимала одно из важнейших мест.

В основу исследования были положены материалы информационных и общественно-политических программ федеральных («Новости», «Время», «Время покажет» — Первый канал; «Вести», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут» — ВГТРК «Россия 1», «Россия 24») и региональных телеканалов («Вести Оренбуржья», «Дебаты» — ГТРК «Оренбург»); «Наше время» (ТРК «ТК-Регион»), а также посты оренбуржцев в социальной сети Facebook. Исследование проводилось с применением методов количественного контент-анализа и дискурс-анализа. Использовалось манифестное кодирование, построенное на фиксировании следующих маркеров: выборы; Государственная дума; Законодательное собрание; Оренбургская область; президент; США; Х. Клинтон; Д. Трамп. Хронологические рамки исследования: июль — ноябрь 2016 г.

2016 год ознаменовался для Оренбуржья двойными выборами. 18 сентября избирателям предстояло отдать свои голоса за кандидатов в два парламентские органа — Государственную думу и Законодательное собрание Оренбургской области. Кроме того, во многих муниципальных образованиях проходили выборы в органы местного самоуправления. Однако, по данным социологического центра «Общественное мнение», за две недели до выборов идти голосовать собирались всего около 40% оренбуржцев. 63% респондентов считали избирательную кампанию незаметной [1], а потому малоинтересной. Во многом это объясняется той медийной картиной, которая была сконструирована региональными СМИ в преддверии выборов.

Можно говорить о двух стратегиях, которые реализовывались телекомпаниями: это, во-первых, констатация событий и, во-вторых, попытка разворачивания предвыборного скандала.

ГТРК «Оренбург», представляющий интересы властной элиты, свела освещение предвыборной кампании к констатации событий. Сообщения о выборах появлялись в новостных выпусках исключительно в связи с информационным поводом: начало приема документов; выдвижение кандидатов; подготовка избирательных участков и т.д. В то же время на обязательные по закону дебаты, выходящие в эфир ГТРК «Оренбург» как государственного телеканала, являлось рекордно низкое число кандидатов (нередко их вообще не было) (рис. 1).

Коммерческая ТРК «ТК-Регион», придерживаясь принципа политического плюрализма, предприняла попытку развернуть предвыборный скандал. 23 августа 2016 г. в эфире программы «Наше время» вышел сюжет об инциденте в Шарлыкском районе, когда автомобили с номерами «ооо» (принадлежащие Правительству Оренбургской области), пожарная машина и школьный автобус блокировали агитационный автобус ЛДПР. Журналистам и политтехнологам партии удалось привлечь внимание к этому случаю. Однако из-за единичности прецедента и отсутствия медиатандема — «поддержки нескольких СМИ, которые распространяют одинаковую либо близкую по содержанию информацию, тем самым подтверждая ее условную легитимность» [2, с. 40] — произошло рассеивание электорального внимания и угасание скандала.

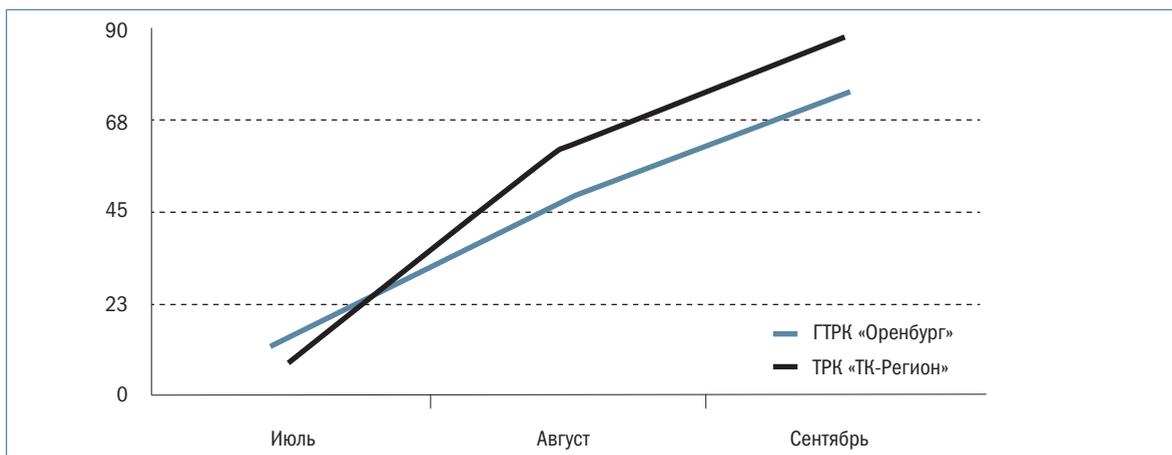

Рис. 1. Динамика освещения кампании по выборам депутатов Государственной думы и Законодательного собрания Оренбургской области в эфире региональных телеканалов

В остальном предвыборная кампания в регионе прошла незаметно для оренбуржцев. Однообразная по своей риторике политическая реклама («Голосуй!», «Ваш кандидат», «Из народа», «Правильный выбор» и проч.) не способствовала привлечению внимания избирателей, проявивших низкую электоральную активность. Явка оказалась на 6% ниже общероссийского показателя, составив 41,67% (хотя многие эксперты предрекали, что из-за плохой погоды — несколько дней шел проливной дождь — оренбуржцы оставят дачи и придут в воскресный день на выборы). Результаты голосования в Государственную

думу и Законодательное собрание не стали неожиданностью: «Единая Россия» — 54,19% / 41,05%; ЛДПР — 13,15% / 23,03%; КПРФ — 13,34% / 20,59%; «Справедливая Россия» — 6,22% / 7,84% [3]. Одна яркая деталь: активное продвижение кандидата от ЛДПР С. Катасонова коммерческими телеканалами, которые представляли его как ярого оппозиционера действующей власти, в Оренбургской области процент проголосовавших за ЛДПР по одномандатным округам оказался более высоким, чем в среднем по России (в большинстве субъектов страны второе место и по партийным спискам, и по одномандатным округам заняла КПРФ, благодаря чему коммунистам удалось сохранить свои позиции в Государственной думе).

Стремясь усилить интерес избирателей к выборам, Избирательная комиссия Оренбургской области провела среди молодежи конкурс селфи. Однако акция не получилась массовой. С хештегом #Оренбуржьеголосует удалось найти всего только около 50 фотографий в социальных сетях. Публикационную активность на тему выборов в социальных сетях проявляли сами кандидаты и представители штабов партий, которые размещали посты о ходе голосования, подсчете голосов и конечных результатах: «*Наши наблюдатели работают на выборах. Нарушений нет*» (Андрей ***); «*Участки закрылись. Подсчет идет. Надеемся на лучшее*» (Елена ***); «*Победа за нами!*» (Виктор ***); «*Все наши прогнозы оправдались. Мы обеспечили себе места в Госдуме!*» (Алексей ***); «*Спасибо избирателям! Обещаем вас не подвести*» (Игорь ***). При этом среди обычных пользователей данная тема не вызвала заметного отклика.

Принципиально иную степень заинтересованности проявили наши граждане относительно выборов президента США. Хотя данная тема не получила отражения в эфире региональных телеканалов, она не сходила с повестки дня федеральных СМИ. Весь ход предвыборной гонки, противостояние Х. Клинтон и Д. Трампа освещались как в информационных программах, так и становились предметом обсуждения на дискуссионных площадках общественно-политических программ («Время покажет», «Вечер с Владимиром Соловьевым», «60 минут» и проч.) (рис. 2). Результаты контент-анализа отражения данной темы в социальных сетях показывают, что по мере приближения 8 ноября (день

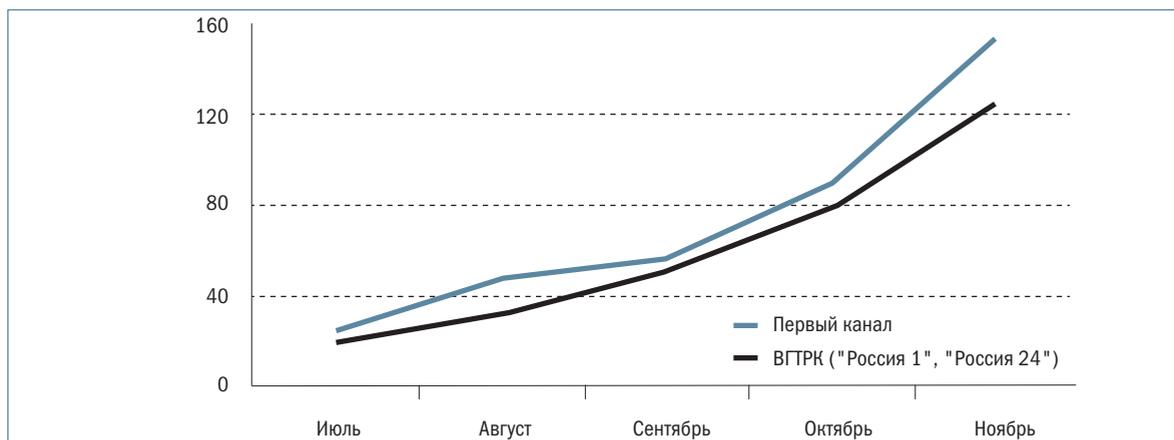

Рис. 2. Динамика освещения кампании по выборам президента США в эфире российских федеральных телеканалов

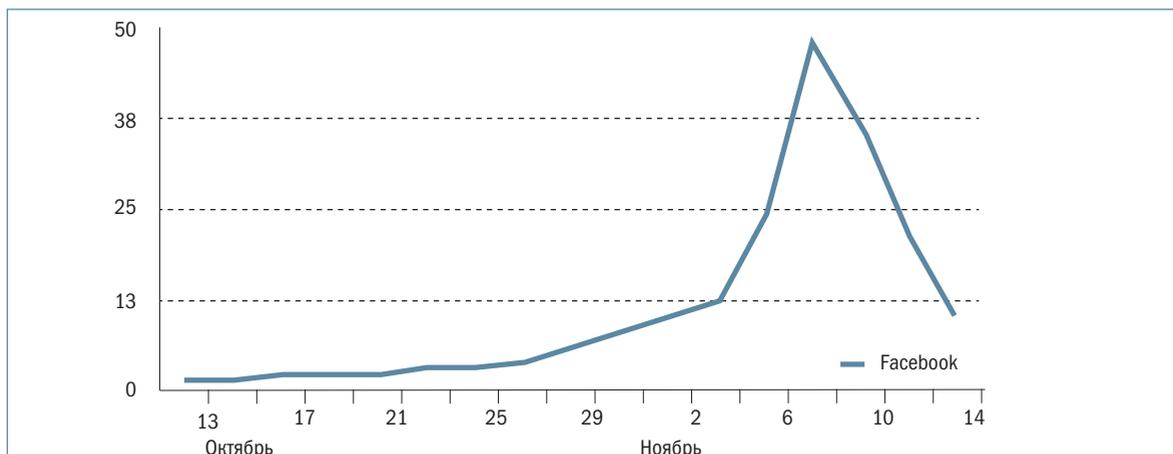

Рис. 3. Динамика публикационной активности пользователей сети Facebook на тему выборов президента США

выборов американского президента) публикационная активность пользователей существенно росла (рис. 3).

По итогам дискурс-анализа определено, что 70% постов оренбуржцев в Facebook представляли собой не информационные (по информповоду), а оценочные суждения: «Куда ей, Хиллари, тягаться?!» (Евгений ***); «Слежу за голосованием с замираньем сердца» (Владимир ***); «Такое чувство, как будто выборы проходят не в США, а у нас» (Ирина ***); «С добрым утром! С бодрым Трампом!» (Ольга ***); «Если Трамп станет ближе к России, у нас появится мода на новые прически» (Дмитрий ***).

Пристальный интерес жителей Оренбургской области к выборному процессу в США можно объяснить рядом причин.

Во-первых, избирательная кампания в Америке была организована в лучших традициях западных политтехнологов, представляла собой грамотно выверенную политическую гонку — своего рода зрелище, шоу, за которым наблюдал весь мир. Предвыборная борьба в США полностью вписывалась в классическое представление П. Бурдьё о политическом поле как месте «конкурентной борьбы за власть, которая осуществляется посредством конкуренции за непосвященных, или, лучше сказать, за монополию на право говорить и действовать от имени какой-либо части или всей совокупности непосвященных» [4, с. 205].

Во-вторых, интерес россиян к выборам в США напрямую связан с потребностями в защите — сохранении мира как гаранта социальной стабильности. Как известно, любые «действия субъектов с целью нейтрализации источника угрозы социальному порядку объясняются их стремлением к достижению либо поддержанию общественной безопасности» [5, с. 17]. Эксперты и ведущие общественно-политических программ в своих дискурсивных стратегиях нередко применяли риторику бедствия, используя слоган: «В чьих руках окажется ядерный чемоданчик?!».

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что между освещением предвыборных кампаний в СМИ и электоральным интересом существует прямая и обратная зависимость. Прямая зависимость возникает в результате активного освещения на телевидении избирательной кампании,

олицетворяющей собой политическую гонку и построенной по законам зрелищности и экспрессии (своего рода «шоу-политика»), но при этом содержащей код «социальная опасность». Обратная зависимость проявляется как следствие отражения в СМИ политически безальтернативного выборного процесса, лишённого принципов соревновательности и борьбы. Подобная тенденция будет способствовать усилению электорального абсентизма — сознательного отказа избирателей от участия в выборной кампании, — который из пассивной формы протеста может перерасти в активную — формирование оппозиционных настроений в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Социологи: всего 40% оренбуржцев готовы идти на выборы** // РИА56. 2016. URL: <http://ria56.ru/posts/56237846823746.htm> (дата обращения 23.11.2016).
2. ЕФАНОВ А. А. **Моральные паники как социокультурный феномен современного информационного общества** // Наследие Ю. И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы Третьей Международной научно-практической конференции. Краснодар, 23–24 сентября 2016 г. Краснодар: Новация, 2016. С. 38–41.
3. **Итоги выборов в Государственную думу и Законодательное собрание в картинках** // Оренбургская политика. 2016. URL: <http://orenpolit.ru/dose/item/2339-itogi-vyborov-2016-v-kartinkakh> (дата обращения 27.11.2016).
4. БУРДЬЕ П. **Социология политики** / Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993.
5. ЕФАНОВ А. А. **Моральные паники как фактор социальных изменений**: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2016.

Портал государственных услуг в системе практик и оценок респондентов

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 17.01.2017.

ПЕТРОВА Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, доцент НИУ «Высшая школа экономики»

Аннотация

В статье анализируются результаты исследования Единого портала государственных услуг (ЕПГУ) в рамках парадигмы антропологического подхода. Эмпирические данные были собраны в г. Ростове-на-Дону в 2016 г. Исследование позволяет расширить представления о восприятии гражданами ЕПГУ и о практиках использования портала в повседневной жизни людей.

Ключевые слова:

Единый портал государственных услуг, антропологический подход, интернет.

Научное и экспертное сообщество проявляет интерес к Единому portalу государственных услуг (ЕПГУ) с момента его разработки. Практически сразу стала подчеркиваться особая роль портала. Вот один из примеров: «В контексте развития информационно-коммуникационной сети интернет необходимо обеспечить единую точку доступа для получения информации о правах и обязанностях публично-правового характера гражданина... На место такого ресурса может претендовать портал государственных и муниципальных услуг www.gosuslugi.ru» [1]. На наш взгляд, к настоящему времени Единый портал государственных услуг стал важным звеном системы электронного взаимодействия государства и граждан, определяющим многие характеристики этой системы.

Анализ научной литературы позволяет выявить основные направления изучения портала: исследуется либо сам интернет-ресурс, либо количественные (обезличенные) характеристики его аудитории.

По данным Минкомсвязи, на конец ноября 2016 г. в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) зарегистрировано 37,7 млн. человек [2]. Профильное ведомство регулярно сообщает о рекордных приростах числа пользователей. Например, в ноябре 2016 г. он составил 2,4 млн. человек [2], а за две недели декабря 2016 г. — 1,1 млн. [3]. Все больше людей используют портал, однако качественные характеристики взаимодействия граждан и государства через ЕПГУ остаются неизученными.

Мы исходим из того, что одна из главных целей портала — улучшения качества жизни граждан. А значит, стоит исследовать ресурс через его оценку самими пользователями. Как вписан ЕПГУ в жизнь респондентов (их повседневные практики), каково отношение к нему, каковы смысловые пересечения и оценки? Такой подход примыкает к антропологической парадигме медиаисследований — довольно новому и перспективному, на наш взгляд, направлению [4, 5].

Чтобы перейти на более высокий уровень электронного взаимодействия с государством, принципиальное значение имеет заинтересованность в этом граждан; нужно понимать, как они пользуются порталом, как воспринимают сервисы и т.д. Ответы на эти вопросы пытаются найти с помощью различных

опросов аудитории. Это самый популярный вариант сбора информации. Но он не является единственно возможным и не обеспечивает получение исчерпывающей информации.

Изучая медиапотребление жителей российской провинции, мы неоднократно сталкивались с существенными противоречиями. Респонденты нередко дают один ответ, а далее (при более глубоком исследовании) опровергают сказанное. Наблюдая за респондентами, мы зачастую получали совершенно иную информацию, иногда даже противоположную той, которая была собрана в ходе анкетного опроса. Именно поэтому было принято решение изучить актуальные аспекты электронного взаимодействия государства и граждан через Единый портал государственных услуг с помощью инструментария антропологического подхода.

Методологически наш проект близок к междисциплинарному исследованию медиапрактик жителей российских сел (Костромская, Ростовская, Иркутская области и Татарстан), которое проводилось Лабораторией медиаисследований НИУ ВШЭ в 2012–2014 гг. Нас интересовали не только медиапредпочтения жителей села, но и то, как СМИ вписаны в круг повседневных дел людей, какое место занимают соответствующие устройства в интерьере дома, как проходит телепросмотр и какие функции новых средствах коммуникации используются, как медиа влияют на оценку окружающей действительности и представления о своем месте в обществе.

Основываясь на методике подобных медиаисследований, в 2016 г. был разработан аппарат изучения практик использования ЕПГУ жителями регионального центра. Проект был реализован силами коллектива факультета медиакоммуникаций и мультимедийных технологий Донского государственного технического университета, являющегося партнером Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для участия в исследовании отбирались только те респонденты, у которых уже был опыт использования Единого портала государственных услуг. Интервью проводились в домохозяйствах респондентов. Было собрано 51 глубинное интервью (62 часа аудиозаписи) и фотоматериалы (снимки основных помещений домохозяйств, приборов медиапотребления). Исследовательский гайд включал в себя четыре смысловых блока: знакомство с респондентом, опыт использования интернет-технологий, взаимодействие с органами власти, опыт использования Единого портала государственных услуг.

В процессе интервью и после него интервьюер заполнял анкету наблюдателя. Каждое интервью заканчивалось следующим обращением к респонденту: «Представьте, что сейчас у Вас есть необходимость воспользоваться сайтом gosuslugi.ru. Покажите, как бы Вы это сделали? Давайте попробуем смоделировать такую ситуацию». Респонденты довольно охотно откликались на это предложение. Благодаря этому в методику исследования удалось включить элементы экспериментального подхода.

Территориальный контекст исследования. Ростов-на-Дону — город, где проходило исследование, крупный областной центр. Это десятый по численности населения город в России, первый — в Южном Федеральном округе и в области. Население Ростова-на-Дону, по данным на 2016 г., составляло 1119,9 тыс. человек (данные на 1.12.2016) [6]. Проникновение интернета в Ростовской области

достигает 80% (данные Правительства РО на октябрь 2016) [7]. При этом 77% пользователей выходят в интернет ежедневно [8].

В 2016 г. произошел значительный рост численности жителей донской столицы, зарегистрированных на Едином государственном портале государственных и муниципальных услуг. В таблице приведены данные с официального портала городской Думы и Администрации города Ростова-на-Дону [9].

Результаты работы по регистрации граждан в ЕСИА по городу Ростову-на-Дону

Количество зарегистрированных по данным Минсвязи Ростовской области

Рис. 1 Информация с официального сайта Администрации г. Ростов-на-Дону. http://rostov-gorod.info/press_center/news/139/45065/ (28.12.2016)

Каким образом были достигнуты эти показатели? На официальном портале сообщается, что «проведено более 2500 совещаний и встреч в коллективах различных организаций, на улицах Южной столицы размещена наружная реклама Единого портала, в организациях распространяется рекламная продукция (буклеты, листовки, плакаты), в процесс активно включены средства массовой информации» [9]. По нашим данным, в 2016 г. с целью увеличения числа пользователей портала был активно задействован административный ресурс. Респонденты показывали нам письма, которые распространялись в школах, вузах, на предприятиях, рассказывали, что руководители организаций собирают данные о том, сколько сотрудников зарегистрировано на портале, и «настоятельно рекомендуют зарегистрироваться в самое ближайшее время» (цитата из интервью с респондентом).

Выводы исследования. Среди пользователей ЕПГУ отчетливо выделяются две группы: приверженцы сетевых коммуникаций (активные пользователи новых медиа) и традиционалисты (доминирующий тип коммуникаций — иерархический, в медиапотреблении приоритет отдается телевидению). Такое деление близко классификации, которую предложил М. Пренски. Он выделил две группы потребителей цифровых технологий — «цифровых эмигрантов», то есть взрослых людей, которые пользуются новыми технологиями, и «коренных цифровых аборигенов», то есть поколение, которое родилось во время цифровой революции и уже с самого рождения находится под воздействием цифровых технологий [10].

«Цифровые эмигранты» пользуются ресурсами сети интернет с осторожностью, при этом доступ к ресурсам сети имеет для них очень важное значение. Те из респондентов, кто всего лишь несколько раз пользовался порталом, говорили об этом, как бы извиняясь. Они явно стесняются своего малого цифрового опыта. Доступ к интернет-ресурсам для этой группы людей связан с дополнительной социализацией, переходом в более прогрессивные сообщества через использование общих информационных ресурсов и каналов коммуникации.

Для «коренных цифровых аборигенов» интернет — территория, где они чувствуют себя свободно. Доверие интернет-среде представителей этой группы очень высокое, в отличие от органов власти, отношение к которым сдержанное или даже критичное, часто противоречивое, здесь сильны стереотипы. Понятия «власть», «государство», «чиновник» имеют явную персонификацию, причем эти понятия зачастую плохо дифференцированы.

Обратим внимание на тот факт, что особенности групп в той части интервью, где разговор шел об опыте взаимодействия с властью, были малозаметны, причем взгляды, которые демонстрировали опрашиваемые, отражали общие для обеих групп стереотипы. Вот, к примеру, что говорят респонденты:

Государство — это то, что выше меня, выше народа (студентка, всегда онлайн);

Власть — жирный-жирный человек, его кормит худеющий человек (молодой человек, 18 лет, готовится к поступлению в университет, активный пользователь интернета);

Чиновники — образы из «Мертвых душ», все пытаются создать видимость работы (мужчина, военный, пользуется интернетом несколько раз в неделю);

Через госуслуги можно что-то по мелочи сделать. Но важные дела нужно только лично, в глаза смотреть человеку, понять, чего ему нужно (женщина, 30 лет, предприниматель).

Отметим, что ни в одном из интервью не прозвучало осознанных идей, связанных с концепцией государства-сервиса. Несколько раз респонденты упоминали, что через услуги государство взаимодействует с гражданами, поскольку ему нужна обратная связь. Но гораздо более популярна среди респондентов идея государства — вершителя справедливости и государства — системы, обеспечивающей безопасность (внутреннюю и внешнюю).

Молодые респонденты (активные пользователи интернета) зачастую отвечали, что стараются как можно меньше взаимодействовать («сталкиваться») с государством. На наш взгляд, важно, что большинство респондентов (42 из 51) не воспринимают Единый портал государственных услуг как часть системы взаимодействия государства и граждан. Для них это, скорее, взаимодействие человека с интернет-средой. Власть, государство, чиновник существуют для большинства респондентов в отдельном смысловом поле, которое имеет мало пересечений с повседневной жизнедеятельностью людей.

Представляется, однако, что такие инструменты, как ЕПГУ обладают значительным потенциалом налаживания взаимодействия власти и граждан. Чтобы реализовать этот потенциал, необходимо создать в информационном поле повестку, объединяющую семантические поля «интернет», «власть», «граждане».

Интересно, что в разговоре об интернете респонденты чувствуют себя свободнее, чем когда речь идет о взаимодействии с государством, властью и чиновниками. Прослушивая диктофонные записи бесед, мы обратили внимание на то, что меняется даже темп речи: когда респонденты говорят об интернете, их речь течет быстрее, паузы – короче. Беседа о государстве, власти и чиновниках проходит в более медленном темпе, со значительными паузами, краткими ответами, реже звучат шутки. Интервьюеры охарактеризовали этот блок как самый тяжелый для разговора. После него беседа о Едином портале государственных услуг протекала, как правило, более непринужденно и легко.

Завершив интервью, мы обращались к респондентам с предложением смоделировать ситуацию, в которой используется сайт gosuslugi.ru: «Представьте, что сейчас у Вас есть необходимость воспользоваться gosuslugi.ru. Покажите, как бы Вы это сделали?». Практически все респонденты поддержали такое предложение. Эта техника дала нам интересные наблюдения и примеры. Так, одна из участниц исследования сказала, что ей сначала *«необходимо переодеться в другой халат, прежде чем на госуслуги выходить»* (женщина, 52 года). Многим респондентам требовались дополнительные действия, чтобы начать использовать сайт (пересесть в другое кресло, навести порядок на рабочем месте, приосаниться и т.д.). Неоднократно в ситуации эксперимента респонденты переходили к другому компьютеру, чтобы воспользоваться сайтом www.gosuslugi.ru. Вот один из таких примеров. В ходе интервью рядом с участницей исследования (студентка, 20 лет) лежал планшет. Несколько раз она проверяла сообщения, показывала фото своей странички в популярной социальной сети, когда речь шла о пользовании интернет-ресурсами. Однако когда ей предложили использовать сайт госуслуги, она пригласила интервьюера в другую комнату, чтобы *«подключиться к госуслугам по самому главному компьютеру в доме»* (цитата из интервью). Таким образом, через вещественный мир люди более определенно выражают свое отношение, формулируют позицию. Здесь меньше внутренней цензуры, характерной для вербальных форм.

Изучая медиапотребление в российских регионах, мы неоднократно обращали внимание, что соответствующих приборов даже в бедных домах больше, чем членов семьи. Медиаприборы зачастую являются центром домашнего пространства [об этом подробнее 11], их наделяют дополнительным смыслом. В центральной комнате стоит самый новый и современный телевизор, даже если смотрят чаще другой (на кухне, в спальне и т.д.). Респондентам важно, какой у них телефон или планшет, это признак статуса, принадлежности к желаемой социальной группе. Происходят смещения смыслов вещественного мира и символического, виртуального и реального.

Такие смещения мы отметили и в ходе исследования, посвященного Единому portalу государственных услуг. Уловить эти сочетания только через количественные методики и через изучение самого портала очень непросто. А ведь, возможно, именно в этих особенностях восприятия и отношения находятся ответы на вопросы о популярности портала (или его непопулярности), об использовании только отдельных его сервисов и возможностей.

О перспективах. Результаты нашего исследования были представлены на научной конференции «Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития» Российской ассоциации политической науки

(РАПН) в ноябре 2016 г. Наши коллеги проявили заметный интерес к предложенным подходам и методам, активно интересовались деталями исследования, приглашали выступить на семинарах в их организациях. Коллеги, владеющие актуальной информацией о развитии систем электронного правительства и мощной теоретической базой, важной для понимания происходящих процессов, говорили нам, что результаты исследований для них — *«новое знание, которое нам еще предстоит осмыслить»*.

Можно предположить, что выбранный междисциплинарный подход оказался продуктивным, позволил расширить представления о том, как воспринимается и оценивается Единый портал государственных услуг теми, для кого он был создан. В то же время, завершив первое пробное исследование в рамках представленной методологии, мы поняли, что в перспективе необходимо более четко сфокусировать задачу исследования. Это позволит точнее определиться с выбором методического аппарата. В будущем мы надеемся осуществить сравнительный анализ в территориальном ракурсе, а также проанализировать происходящие процессы в динамике.

ЛИТЕРАТУРА

1. СИМАГИНА О., ЦУКАРЬ С. **Обеспечение доступности государственных услуг** // Государственная служба. 2015. № 3 (95). URL: <http://ra-journal.ranepa.ru/articles/r50/945/> (дата обращения 25.11.2016).
2. **Ежемесячный прирост пользователей электронных госуслуг превысил два миллиона человек** // Официальный Интернет-ресурс Минкомсвязи России. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/36232/> (дата обращения 24.12.2016).
3. **Девяносто процентов поручений Подкомиссии по электронным госуслугам выполнены в срок** // Официальный Интернет-ресурс Минкомсвязи России. URL: <http://minsvyaz.ru/ru/events/36321/> (дата обращения 29.12.2016).
4. НОВИКОВА А.А. **Антропология медиа в России: истоки и перспективы** // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 3–12.
5. ДУНАС Д.В. **Антропологический поворот в зарубежных исследованиях СМИ: от концепции о человеке и культуре к новой дисциплине** // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 13–26.
6. **Города с численностью населения 100 и более тысяч человек** // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Ростовской области. URL: http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/population/ (дата обращения 29.12.2016).
7. **Восемьдесят процентов территории Ростовской области обеспечено доступом в Интернет** // Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=125269&mid=130586&itemId=28> (дата обращения 27.11.2016).
8. **Развитие интернета в регионах России** // Отраслевое исследование компании «Яндекс». URL: https://yandex.ru/company/researches/2015/ya_internet_regions_2015 (дата обращения 11.11.2016).
9. **Ростовская область – в десятке лидеров по регистрации на портале «Госуслуги»** // Официальный сайт Администрации города Ростова-на-Дону. URL: http://rostov-gorod.info/press_center/news/139/45065/ (28.12.2016).
10. **Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants** // On the Horizon. MCB University Press, Vol. 9. No. 5. October 2001. URL: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (дата обращения 1.11.2016).
11. ПЕТРОВА Е.В. **Взаимовлияние медиаконтента и культуры повседневности сельского поселения Юга России: проблема нового времени и пространства** // Обсерватория культуры. 2016. Т. 1. № 1. С. 36–42.

Измерение практик использования интернета в социальных науках: обзор основных методов

Статья рекомендована И.Ю. Алексеевой 17.12.2016.

**ВОЛЧЕНКО Олеся
Викторовна**

Аспирант департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Аннотация

В статье представлен обзор подходов к измерению практик использования интернета, указывается на основные достоинства и недостатки описываемых индикаторов, приводятся примеры исследовательских задач, решаемых с помощью обсуждаемых методов измерения. Инструменты разделены на макроиндикаторы, характеризующие уровень «интернетизации» в стране или регионе, и микроиндикаторы, позволяющие оценить практику использования интернета конкретным человеком. Микропоказатели в свою очередь подразделяются на данные, полученные, с одной стороны, путем автоматического сбора, с другой стороны, опросными методами.

Ключевые слова:

интернет, практики использования интернета, частота использования интернета, социологическое измерение.

Информация является важнейшим ресурсом постиндустриального общества, а интернет — наиболее технологичным способом ее передачи. С самого начала распространения интернета в научном и общественном дискурсе прослеживается беспокойство о том, каким образом технологии меняют жизнь и поведение людей. По мнению П. Димаджио и соавторов [1], интернет оказывает влияние на экономическое неравенство, социальный капитал, политическое и культурное участие и разнообразие, организации и социальные институты. В эмпирических исследованиях устанавливается взаимосвязь между частотой использования интернета и таким важными общественными характеристиками, как доверие, политическое участие, одиночество. Поэтому в рамках социологических, психологических, политологических и экономических исследований актуализируется проблема измерения практик использования интернета различными группами населения. Интернет является динамично развивающейся технологией, поэтому авторы постоянно модифицируют инструментарий, используемый для соответствующих измерений.

В эмпирических социальных исследованиях применяются такие индикаторы, как наличие подключения к сети; время, проводимое в интернете; цели его использования; обращение к определенным интернет-ресурсам. Можно предположить, что выбор тех или иных инструментов вовсе не случаен, а определяется социальным контекстом и задачами, которые стоят перед исследователями.

Макропоказатели распространения интернета

На межстрановом уровне для измерения распространения интернета часто применяется индикатор “количество интернет-пользователей на 100 человек”, предложенный Международным союзом электросвязи [2] и Всемирным банком [3]. Интернет-пользователем, согласно методике составления данного индикатора, считается человек, пользовавшийся интернетом хотя бы раз за последние 12 месяцев. Такой подход не только позволяет дифференцировать страны на основании доли населения, имеющего доступ к всемирной паутине, но и оценивать изменения этого показателя во времени.

Подобные данные можно использовать как для сравнения доступности интернета в разных странах мира, так и для анализа предпосылок цифрового неравенства. Так, М. Гуиллен и С. Суарез, используя эти данные, делают вывод о том, что число интернет-пользователей определяется не только техническим уровнем развития страны, но и политическими, экономическими и социальными факторами [4].

Индикаторами распространения интернета на локальном уровне могут выступить региональные данные о количестве домохозяйств, имеющих подключение к сети. В России такие данные предоставляются Федеральной службой государственной статистики [5, с. 842, 843]. Другими примерами индикаторов «интернетизации» регионов являются: доля абонентов широкополосного доступа к интернету; доля организаций, использующих интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги); доля людей, использующих интернет для заказа товаров и (или) услуг [6].

Основной недостаток макропоказателей — небольшое число альтернатив, а также их слабая модифицируемость. Макропоказатели распространенности интернета могут быть надежным инструментом для сравнительного кросс-регионального или кросс-временного исследования, однако они не позволяют оценить неравномерность в использовании сетью внутри регионов, в разных социальных группах, а также понять, какие причины побуждают конкретного человека пользоваться интернетом и какими последствиями для него это чревато.

Измерение интернет-практик на индивидуальном уровне

Для более детального изучения специфики использования интернета измерение необходимо проводить на индивидуальном уровне. Инструменты такого измерения могут быть разделены на две большие группы. С одной стороны, это автоматизированная запись действий пользователей при помощи специального программного обеспечения, с другой — опросы пользователей.

Автоматизированный сбор данных. Примером автоматизированного получения информации о поведении пользователей может являться сбор данных об интернет-активности в рамках исследования, проведенного Р. Краутом и соавторами [7]. Авторы получили точную оценку времени, проведенного участниками в сети. Этот метод организационно является довольно сложным

и требует больших материальных затрат, однако он позволяет получить максимально несмещенные временные оценки.

В случае, если фокус исследования направлен не на использование интернета вообще, а на конкретную практику, возможен анализ журналов регистрации событий сервера (server log) определенного ресурса. Например, в исследовании М. Бёрк и соавторов, посвященном поиску взаимосвязи между частотой пользования социальными сетями и субъективным благополучием, учитывались данные с серверов Facebook, позволявшие оценить, сколько часов в день в среднем каждый пользователь проводит на facebook.com [8].

Автоматизированный учет позволяет получить точную оценку времени, которое пользователь проводит в интернете, однако следует понимать, что постоянное наблюдение может привести к изменению обыденного поведения пользователей и смещению полученных результатов. Б. Гринберг и соавторы говорят о том, что автоматический сбор данных может явиться удачным дополнением классических опросных инструментов [9]. Он позволяет верифицировать полученные данные, а также максимально точно оценить время, потраченное респондентами на различные практики. Несмотря на кажущуюся привлекательность, автоматизированный сбор достаточно сложно применять для многопользовательских компьютеров и пользователей, имеющих доступ к интернету через несколько устройств.

Опросные методы. Пожалуй, наиболее распространенным инструментом измерения активности интернет-пользователей в социологии являются опросы. Однако, несмотря на кажущуюся простоту данного метода, здесь возможно использование довольно широкого спектра индикаторов. Опросные измерения могут проводиться на основе четырех групп индикаторов:

- дихотомических индикаторов;
- индикаторов, измеряющих частоту пользования интернетом;
- количества часов, проведенных онлайн;
- индикаторов, с помощью которых оцениваются цели и паттерны использования интернета.

Каждый из вышеозначенных измерительных инструментов имеет свои достоинства и недостатки и, соответственно, применяется для решения различных исследовательских задач.

Дихотомические индикаторы были применены в масштабном проекте «Исследуя цифровое будущее» [10], в котором противопоставлялись люди, имеющие доступ к интернету, и те, у кого доступа нет, а также интернет-пользователи и те, кто сетью не пользуется. Дж. — Ю. Джанг и соавторы критикуют дихотомическое измерение использования интернета, указывая на то, что подобный подход носит технологически детерминированный характер, не учитывает социальный контекст и подходит только для дифференциации пользователей в обществах с низким уровнем интернетизации [11].

Получить более детальную информацию позволяет вопрос о частоте использования интернета. Этот индикатор включается в большие междисциплинарные проекты, например World Values Survey, European Social Survey, Life in

Transition, так как является важным показателем технологического прогресса. В Европейском социальном исследовании [12] вопрос о пользовании интернетом включает в себя также и вопрос о наличии доступа к нему. Респондентам предлагается ответить на вопрос «Как часто Вы пользуетесь интернетом или электронной почтой для своих личных целей?»¹, при этом шкала ответов включает 9 вариантов: «У меня нет доступа к интернету», «Никогда не пользуюсь интернетом», «Реже одного раза в месяц», «Один раз в месяц», «Несколько раз в месяц», «Один раз в неделю», «Несколько раз в неделю», «Ежедневно», «Затрудняюсь ответить». Во Всемирном исследовании ценностей авторов интересует только частота пользования интернетом как информационным ресурсом [13], а вопрос, касающийся использования сети, звучит несколько иначе: «Люди узнают о событиях в своей стране и в мире из разных источников. Я сейчас назову эти источники, укажите, пользуетесь ли Вы ими и если да, то как часто: ежедневно, раз в неделю, раз в месяц, реже раза в месяц или никогда»². Похожий подход используется в исследовании «Life in Transition» [14], когда респондентам задается вопрос о частоте использования интернета как источника информации о положении дел в стране и мире.

Измерения частоты использования Всемирной сети в межстрановых опросах позволяют дифференцировать пользователей внутри страны, а также выявлять различия в «интернетизации» разных стран. Тем не менее использование единой формулировки вопроса и общих вариантов ответа представляет собой проблему, так как не позволяет учесть вариативность показателя в странах с широким распространением интернета.

В рамках исследования, проведенного Pew Research Center в 2015 г. и нацеленного на изучение специфики использования интернета подростками, соответствующая шкала была уточнена. Подросткам предлагалось определить, пользуются ли они интернетом «практически постоянно», «несколько раз в день», «один раз в день», «несколько раз в неделю», «один раз в неделю или реже».³ При этом 92% опрошенных ответили, что пользуются интернетом раз в день или чаще (выбрали 1-й, 2-й или 3-й варианты ответа) [15]. Таким образом, разработанный ранее инструментарий не позволил бы учесть вариацию в частоте обращения к интернету абсолютного большинства опрошенных, что обусловлено как особенностями исследуемой возрастной группы, так и расширением доступа к интернету, в том числе через мобильные устройства. Учитывая результаты этого исследования, можно предположить, что в ближайшее время актуализируется измерение специфики пользования интернетом и других групп населения.

Дневники времени. Другой способ измерения количества времени, проведенного пользователем в интернете, — анализ записей дневников. В рамках данного метода респонденту предлагается ответить, сколько времени в течение одного из прошедших дней он занимался различными типами деятельности (в том числе пользовался интернетом). Благодаря этому исследователь получает детальное описание дня респондента, что позволяет оценить, как люди распоряжаются временными ресурсами.

¹ Приведенная формулировка вопроса была использована в русскоязычной версии официальной анкеты ESS (5 волна).

² Приведенная формулировка вопроса была использована в русскоязычной версии официальной анкеты WVS (6 волна).

³ В оригинальной версии анкеты: «almost constantly», «several times a day», «once-a-day», «weekly», «less often».

По мнению Н. Ная и Д. Хиллигаса такая технология измерения имеет ряд неоспоримых достоинств по сравнению с прямыми вопросами, о которых говорилось выше. Во-первых, анализ дневников позволяет достаточно точно оценивать количество времени, проведенного онлайн. Во-вторых, с помощью дневников удастся получить более точную оценку, избежать ответов наугад, поскольку в этом случае требуется систематически заполнять дневник. В-третьих, этот метод позволяет получать несмещенные (с точки зрения социального одобрения) ответы [16]. Дж. Робинсон и соавторы, говорят о том, что использование дневников времени имеет ряд преимуществ и с теоретической точки зрения, так как время является важным социальным ресурсом, распределенным в равной степени между всеми группами населения [17].

Композитные индексы использования интернета

В фокус интереса исследователей все чаще попадает не использование интернета как таковое, а цели, с которыми к нему обращаются. По мнению Н. Байма и соавторов интернет нужно рассматривать не как единую сущность, сопричастность к которой влияет на пользователя сама по себе, а как культурный инструмент, необходимый для достижения различных целей [18]. Поэтому важно не просто оценивать, сколько времени человек проводит в сети, а то, какие задачи с ее помощью решает и какие ресурсы использует. Для того чтобы иметь возможность оценить разнообразие целей и форм использования интернета, исследователи прибегают к построению композитных индексов, учитывающих широкий спектр практик.

Например, Д. Шах и соавторы в исследовании, посвященном изучению взаимосвязи между использованием интернета и объемом социального капитала, предложили отдельно измерять четыре паттерна: социальную активность, потребление товаров и услуг, обмен информацией, управление финансами. Данная четырехкомпонентная структура была получена при помощи процедуры факторного анализа ответов респондентов на 11 вопросов о различных интернет-практиках. Получившиеся факторы характеризуются высокой внутренней согласованностью и отсутствием пересекающихся факторных нагрузок [19]. Применение такого подхода целесообразно в исследованиях, где подтверждается или опровергается предположение о том, что различные практики использования интернета могут оказывать разный эффект на установки и поведение людей.

Другой методикой оценки специфики использования сети является «Internet Attitude Survey». Данный инструмент включает 19 суждений, описывающих различные цели обращения к интернету. Респондента просят согласиться или не согласиться с каждым из суждений, используя 9-балльную шкалу. В исследовании Вайсера, впервые представившего данный инструмент, анкета, содержащая блок вопросов «Internet Attitude Survey», распространялась онлайн, так как ее основная цель — выявить разные типы интернет-пользователей, а не отделить пользователей от тех, кто интернетом не пользуется [20].

В рамках проекта Metamorphosis был разработан индекс погруженности в интернет (Internet Connectedness Index). Его авторы позиционируют данный

индекс как индикатор значимости интернета в жизни человека. Помимо стандартного вопроса о количестве времени, проводимого онлайн, индекс включает также информацию об опыте пользования интернетом, спектре задач, решаемых с его помощью, оценку влияния интернета на личную жизнь, типах деятельности, которые пользователь реализует онлайн [11].

Ввиду тестовой традиции, принятой в современной психологии, исследователи склонны проводить измерение при помощи блоков внутренне согласованных вопросов, которые впоследствии трансформируются в индексы. Например, в работе Дж. МакЭлроя и соавторов было разработано три инструмента для измерения частоты и приемлемости различных интернет-практик: индекс, основанный на семи вопросах и оценивающий частоту и комфортность таких практик, как поиск информации, участие в чатах, пользование досками онлайн-объявлений, индекс, оценивающий желание и готовность совершать покупки в интернете, и индекс, оценивающий желание и готовность респондента продавать товары онлайн [21].

Как уже говорилось выше, негативное влияние интернета на различные аспекты человеческого поведения и установок является объектом дискуссии как внутри научного сообщества, так и за его пределами. Именно поэтому исследователи разрабатывают инструменты, измеряющие не просто количество времени, проведенного в сети, а распространенность негативных практик интернет-пользования. Примером такого подхода является измерение обобщенного проблемного использования интернета (Generalized Problematic Internet Use Scale), разработанное как операционализация психологической теории Дэвиса об обобщенном проблемном его использовании. Получившийся инструмент включает в себя вопросы о частоте использования интернета с целью социальной изоляции, а также выявляет некоторые аспекты интернет-зависимости [22].

Несомненным достоинством измерения практик при помощи композитных индексов является то, что они предоставляют возможность в деталях изучить особенности поведения респондента. С другой стороны, методика построения таких индексов часто сомнительна, так как основывается на уже полученных данных, а не на априорных теоретических построениях. Большое количество вопросов к респонденту, хотя и помогает оценить различные аспекты практик использования интернета, но одновременно понижает надежность инструментария, так как утомляет опрашиваемого.

* * *

Настоящий обзор не претендует на описание всех когда-либо разработанных индикаторов интернет-практик, тем не менее нами представлена классификация основных из них.

Макропоказатели представляют несомненный интерес для исследователей, изучающих интернетизацию в кросс-региональной и кросс-страновой перспективе. Такие данные позволяют проследить за распространением интернета в наиболее развитых странах с 1990 г., когда исследований, основанных на опросных данных, практически не существовало.

Опросные методы, хотя они и дают гораздо более узкую по охвату информацию о пользователях, но обладают большей гибкостью и вариативностью.

Применение дихотомических индикаторов позволяет получить интуитивно понятные результаты, но приводит к потере большого объема информации. Такое измерение оказывается удачным в случае анализа практик пользования интернетом на ранней стадии его распространения или в группах населения, редко пользующихся интернетом. Логичным усовершенствованием бинарных индикаторов явилось измерение частоты использования интернета при помощи порядковой шкалы. Такой инструмент позволяет дифференцировать пользователей сети более точно, но также не лишен недостатков: шкалы частоты не всегда чувствительны относительно реальных практик. Применение этого инструмента эффективно, если исследователь понимает специфику изучаемой группы и адаптирует шкалу исходя из этой специфики. Использование дневников времени позволяет бороться с нечувствительностью шкалы, так как в рамках данного метода частота практики измеряется в часах или минутах, однако заполнение анкет, включающих дневники времени, может быть достаточно трудозатратным для респондентов, что влечет за собой снижение качества данных. Измерение практик временем часто критикуется, так как не учитывает содержания деятельности, которую пользователи осуществляют в интернете [9], поэтому исследователи часто прибегают к построению индексов, позволяющих преодолеть этот недостаток.

Таким образом, можно сказать, что арсенал средств измерения практик использования интернета, применяемых в социальных науках, достаточно широк. Исследователь, заинтересованный в измерении частоты или специфики использования интернета, волен как заимствовать проверенные инструменты, так и разрабатывать новые, учитывающие задачи конкретного исследования. В любом случае, следует учитывать специфику исследуемой группы населения, особенности средств доступа к интернету, а также содержание деятельности исследуемой группы в интернете. При выборе измерения необходимо, кроме того, помнить о сопоставимости с результатами предшествующих исследований, так как это важное условие поддержания научной дискуссии.

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

ЛИТЕРАТУРА

1. DIMAGGIO P. ET AL. **Social implications of the Internet** // Annual review of sociology. 2001. С. 307–336.
2. SANOU B. **The world in 2015: ICT facts and figures** // International Telecommunications Union. 2015. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/facts/ICTFactsFigures2015.pdf> (дата обращения 25.06.2016).
3. **Internet users (per 100 people)** URL: <http://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.USER.P2> (дата обращения 25.06.2016).
4. GUILLÉN M. F., SUÁREZ S. L. **Explaining the global digital divide: Economic, political and sociological drivers of cross-national Internet use** // Soc. Forces. 2005. V. 84. № 2. P. 681–708.
5. **Регионы России. Социально-экономические показатели.** 2015: Стат. сб. М.: Росстат, 2015.
6. КЛОЧКОВА Е. Н. **Статистическое исследование ключевых индикаторов развития информационного общества в России** // Информационное общество. 2015. Вып. 6. С. 59–68.
7. KRAUT R. ET AL. **Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being?** // American psychologist. 1998. Т. 53. № 9. С. 1017–1031.
8. BURKE M., MARLOW C., LENTO T. **Social network activity and social well-being** // Proceedings of the SIGCHI conference on human factors in computing systems. ACM, 2010. P. 1909–1912.
9. GREENBERG B. S. ET AL. **Comparing survey and diary measures of internet and traditional media use** // Communication Reports. 2005. Т. 18. № 1–2. С. 1–8.
10. COLE J. ET AL. **Surveying the digital future** // UCLA Center for Communication Policy. University of California — Los Angeles. 2000. URL: http://www.worldinternetproject.net/_files/_Published/_oldis/ucla-internet1.pdf (дата обращения 09.07.2016).
11. JUNG J. Y., QIU J. L., KIM Y. C. **Internet connectedness and inequality beyond the «divide»** // Communication Research. 2001. Т. 28. № 4. С. 507–535.

12. **ESS Round 5: European Social Survey Round 5 Data** (2010). Data file edition 3.2. NSD – Norwegian Centre for Research Data. Norway – Data Archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=5> (дата обращения 25.06.2016).
13. **World Values Survey Association et al. World Values Survey 1981–2008 official aggregate v. 20090901** // Madrid: ASEP/JDS. 2009. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения 25.06.2016).
14. **Life in Transition Survey (LITS)**. URL: <http://www.ebrd.com/what-we-do/economic-research-and-data/data/lits.html> (дата обращения 25.06.2016).
15. LENHART A. PEW RESEARCH CENTER. APRIL 2015. TEEN, **Social Media and Technology Overview 2015**. URL: http://www.pewinternet.org/files/2015/04/PI_TeensandTech_Update2015_0409151.pdf (дата обращения 25.06.2016).
16. NIE N. H., HILLYGUS D. S. **The impact of Internet use on sociability: Time-diary findings** // *It & Society*. 2002. Т. 1. № 1. С. 1–20.
17. ROBINSON J. P. ET AL. **Mass media use and social life among Internet users** // *Social Science Computer Review*. 2000. Т. 18. № 4. С. 490–501.
18. BAYM N. K., ZHANG Y. B., LIN M. C. **Social interactions across media interpersonal communication on the internet, telephone and face-to-face** // *New Media & Society*. 2004. Т. 6. № 3. С. 299–318.
19. SHAH D. V., KWAK N., HOLBERT R. L. **“Connecting” and “Disconnecting” with Civic Life: Patterns of Internet Use and the Production of Social Capital**.
20. WEISER E. B. **Gender Differences in Internet Use Patterns and Internet Application Preferences: A Two-Sample Comparison** // *Cyberpsychol. Behav.* 2000. V. 3. № 2. С. 167–178.
21. MCELROY J. C. ET AL. **Dispositional factors in internet use: personality versus cognitive style** // *MIS quarterly*. 2007. С. 809–820.
22. CAPLAN S. E. **Problematic Internet use and psychosocial well-being: development of a theory-based cognitive-behavioral measurement instrument** // *Computers in human behavior*. 2002. Т. 18. № 5. С. 553–575.

Спорт как феномен культуры в информационном обществе

**КОСТИКОВ Валерий
Юрьевич**

*Старший преподаватель
кафедры журналистики
Московского института
телевидения и радиовещания
«Останкино»*

Аннотация

В статье анализируются особенности спорта как предметной сферы со своей системой ценностей, интегрируемых в развитие информационного общества, выделяются типологические черты спорта как феномена культуры, выстраиваются модели современных социокультурных проектов.

Ключевые слова:

спорт как феномен культуры, социокультурные проекты спорта на международном, государственном и сегментном уровнях.

Спорт является одной из самых распространенных форм современной культуры, которая имеет глобальную направленность развития [1]. В современных гуманитарных науках он предстает как мощный системообразующий фактор консолидации и развития общества [2]: во-первых, как явление цивилизации, способ бытия человека и система социального опыта; во-вторых, как конкретная сфера жизни общества, включающая в себя соревновательную, тренировочную, оздоровительную деятельность, развлечение и досуг. Понятие «спорт» активно используют для поддержания исключительности социально значимого мероприятия. Способность спорта к созданию ярких образов и героизации действительности отвечает потребностям современной аудитории. Распространяясь по миру самыми разными способами, спорт дает повод к его неоднозначной философской интерпретации, с одной стороны, и как социально-коммуникативного средства информационного общества — с другой.

В данной статье спорт рассматривается как социокультурный феномен, динамично развивающийся элемент современной культуры, оказывающий всестороннее воздействие на образ жизни человека [3].

В массовом сознании спорт занимает место рядом с такими явлениями, как культура и образование. Смысл этого понятия настолько глубоко укоренился в общественном сознании, что адекватно понимается в современном социуме и фактически не нуждается в дефиниции. Принадлежность спорта к культуре подтверждается множеством аргументов:

- спорт — это признанная часть истории едва ли не всех стран и народов, это легенды, мифы, традиции, другие духовные ценности цивилизации;
- все виды спорта — это результат творчества народов, их вклад в мировую культуру;

- спорт — это исторический лексикон, в составе которого множество слов, понятных на большинстве языков без словарей: стадион, ипподром, атлетика, палестра, гимнасий.

Среди них и само слово «спорт». Термин «спорт» прошел сложную эволюцию — от развлечения до «честолюбивого стремления к достижению чего-либо особенного, выдающегося в сфере телесных упражнений» [4]. Происхождение термина связано с древнелатинским словом *disportare* — развлекаться. В России термин впервые упомянут в 1851 г. В газете Фаддея Булгарина «Северная пчела» замечено, что понятием «спорт» именуют все гимнастические упражнения или забавы. Язык спорта универсален и не требует перевода, что делает спорт общечеловеческим элементом культуры. Спорт по своей сути — не просто культ силы, выносливости, ловкости и иных физических качеств, а культура их гармонии в сочетании с духовными достоинствами человека.

Как справедливо замечает Э. Нидерман (Австрия), в каждом конкретном случае при анализе вопроса о культурном, политическом, идеологическом и других значениях спорта должно быть объяснено, какая сторона спорта как общественного явления обсуждается в данный момент, поскольку различные формы спорта подчиняются совершенно разным принципам [5].

Мы полагаем, что анализ спорта обретает строгую логику лишь в трактовке его как феномена культуры, то есть явления, связанного с культурой генетически и исторически. Как часть культуры спорт связан с ценностными категориями, которые он аккумулирует и транслирует.

Во-первых, он прямо влияет на физическое и духовное развитие личности, раскрытие творческого потенциала участников спортивного процесса.

Во-вторых, является средством формирования образа и стиля жизни, выступает как культурный образец позитивного воздействия на сознание людей, на отношения между ними.

В-третьих, демонстрирует разнообразные образцы и модели индивидуального поведения, максимально соответствующие особенностям каждого индивида.

В-четвертых, выступает инструментом влияния на физическое, интеллектуальное, духовное развитие подрастающего поколения.

В-пятых, представляет собой модель социального взаимодействия на основе демократического принципа справедливости и равенства шансов.

В-шестых, представляет собой сферу международной кооперации, способ приобщения стран к ценностям индустриальной и постиндустриальной цивилизации.

В-седьмых, является универсальным средством коммуникации, способствует развитию межличностных, межрегиональных, международных контактов.

Связанные со спортом символические модели, культурные образцы, смыслы актуализируются в обществе, ориентированном на ценности устойчивого развития. Для воспитания в духе ценностей устойчивого развития значимо, чтобы хотя бы в одной из сфер социальной жизни были созданы идеальные образцы этих ценностей. Именно спорт демонстрирует подобные образцы — толерантности, взаимного уважения, демократических норм поведения.

Значимый вклад в популяризацию и распространение гуманистических ценностей вносят командные виды спорта. Фактически здесь имеет место

социальный эксперимент формирования поведения, которое контролируется правилами, системой наказаний и поощрений, демократическим стилем лидерства и стремлением к достижению общей цели [6]. В спортивных состязаниях брендового уровня — чемпионаты, лиги, кубки клубов — проявляются лояльность, командный дух и высокие нравственные принципы.

Отметим, что на разных этапах исторического развития спорт приобретает специфические черты. В условиях информационного общества наблюдаются процессы:

- институционализации спорта, замены спонтанного, стихийного поведения социальных групп на регулируемое путем создания статусно-ролевой структуры, социально одобренной большинством участников;
- рационализации спорта как поиска все более точных измерений спортивных достижений (рационализация правил и стандартизация спортивного оборудования, инвентаря и др.);
- интернационализации и демократизации спорта (декларируемое и реальное равенство возможностей участия в соревнованиях);
- политизации спорта;
- коммерциализации спорта;
- его адаптации к условиям информационного общества.

Разработка адекватных теоретических представлений о месте и роли спорта в информационном обществе предполагает повышение качества социокультурных проектов на всех уровнях — международном, государственном и сегментном.

На *международном уровне* спорт как социокультурный феномен реализуется в деятельности международных спортивных организаций и зависит от общего тренда современной культуры. На *государственном уровне* он выполняет разнообразные политические, идеологические и социальные функции. На *сегментном уровне* — встраивается в различные области жизни общества.

В информационном обществе спорт становится значимым фактором социальной коммуникации. Именно в этом контексте ставится задача рассмотрения спорта с позиции *социокультурного проектирования*, поскольку такое проектирование позволяет учесть различные аспекты сложного объекта социального управления.

Социокультурное проектирование, как и проектирование в сфере материального производства, — это всегда работа на будущее, которая предполагает выход в сферу практики [7]. В отличие от проектирования в материальной сфере, социокультурное проектирование изначально подвержено влиянию субъективного фактора в виде интересов конкретных людей и социальных групп. Поэтому проект не может быть формально отделен от этапа его реализации. Разработка теоретических основ социокультурного проектирования представлена

в работах О. И. Генисаретского, Т. М. Дридзе, И. В. Жежко, В. А. Лукова, В. И. Курбатова, О. В. Курбатовой, Э. А. Орловой, В. М. Розина и др.

На международном уровне социокультурное проектирование в спорте осуществляется через деятельность международных спортивных организаций, которая определяет вектор развития глобального спорта. Так, только в 2015 г. было проведено свыше 80 чемпионатов мира и мультиспортивных игр, собравших 13-миллионную зрительскую аудиторию в 118 городах и 38 странах мира, на освещение которых потребовался миллиард часов телевизионных эфиров [8].

С момента становления и развития международного спортивного движения социокультурный смысл спорта формировался в рамках олимпийского проекта Пьера де Кубертена. Главный замысел Кубертена, связанный с возрождением Олимпийских игр, состоял в том, чтобы последовательно использовать спорт как средство решения педагогических задач, для «обновления человечества через воспитание».

Изменения социокультурной реальности, происходящие с конца XX века, существенным образом деформировали олимпийский проект Кубертена, который строился на базе ментальности модерна. Поскольку парадигма модерна сегодня уступает место парадигме постмодерна, то и спорт меняет свое социокультурное значение. Спорт в культуре постмодерна транснационален, коммерциализирован, непосредственным образом связан с медиаресурсами. Главным в спорте становится не воспитание, а зрелищность, не участие, а конкретный результат, не гармоническое развитие, а утилитарный профессионализм. Не личностное совершенствование спортсмена выступает мотивацией к спортивной деятельности (как это следовало из модели Кубертена), а жесткие правила получения прибыли и окупаемости диктуют спортсмену и менеджеру образ действий (в соответствии с моделью Самаранча).

Необходимо учитывать, что спорт, как и другие явления, имеет диалектический характер, противоречив по своей природе. Спортивное соревнование — состязание, подверженное антагонизмам и конфликтам. Как показано в работах [9 и 10], в рамках этой системы каждая из соревнующихся сторон склонна отстаивать свои интересы, а не действовать на общее благо. Всегда находятся такие социальные силы, которые стремятся к разжиганию антагонизма и конфликтов между соперничающими сторонами.

Подчеркнем, что смена модели Кубертена на модель Самаранча произошла неслучайно. Модель Кубертена выработывалась в традиции европейской ментальности, которая складывалась начиная с эпохи Возрождения (с ее основной идеей антропоцентризма) до эпохи Просвещения (идея воспитания через знания). Модель Самаранча формируется в традиции постмодерна, для которого характерно отрицание этих идейных установок.

Рост социокультурного значения современного спорта проявляется как в превращении спорта в шоу-индустрию, так и в значительном расширении поля практической спортивной деятельности. Сегодня можно говорить о целых сегментах практики спорта: детско-юношеский спорт; ветеранский; «спорт для всех» и т.д. [11]. В каждом сегменте спорт выполняет функции социализации.

На государственном уровне спорт как социокультурный проект был реализован рядом стран во второй половине XX в. В СССР он выполнял идеологическую функцию, доказывая преимущества советского строя. С этой целью

была создана эффективная система подготовки спортсменов высокого класса, организовано научно-методическое обеспечение процесса подготовки сборных команд страны. В начале XXI в. руководство страны рассматривает спорт как социокультурный проект, но уже не в качестве демонстрации преимуществ общественного строя, а как мощный фактор оздоровления страны, как актуальную составляющую образа жизни и общественного престижа. Развитие спорта определено в числе долгосрочных приоритетов социокультурной политики российского государства: в целях пропаганды здорового образа жизни на государственном уровне принята «Стратегия развития физической культуры и спорта на период до 2020 года».

Особое место в этой политике занимает использование спорта в качестве фактора модернизации социальной инфраструктуры. С этой целью Россия стремится стать организатором брендовых международных спортивных состязаний на своей территории. Так, в мае 2016 г. в стране проходил чемпионат мира по хоккею. В 2017 и 2018 гг. состоятся соревнования по линии ФИФА – Кубок конфедераций и чемпионат мира по футболу, а в 2019 г. Россия будет принимать у себя участников XXIX Всемирной зимней универсиады.

На сегментном уровне спорт как социокультурный проект является частью отдельных секторов социальной и культурной жизни общества, например, в рамках культурной политики при организации досуга широких слоев населения или как модный тренд в развитии семейного спорта. Здесь спорт может выступать и как массовое зрелище, и как практическая деятельность по усилению физической активности населения.

При подготовке проектов на сегментном уровне необходимо учитывать сложный механизм взаимодействия спорта с теми сферами, в рамках которых он используется как социокультурный проект. Так, когда анализируется использование спорта в системе образовательных учреждений, необходимо учитывать новые подходы в образовательной политике, общие тенденции в системе ценностей современной молодежи. Например, социокультурный проект сегментного уровня – возрождением комплекса ГТО – требует учета реалий сегодняшнего дня. Советский комплекс «Готов к труду и обороне» был разработан и реализован в условиях тоталитарного государства в психологической атмосфере осажденной крепости. Он показал свою эффективность именно потому, что соответствовал задачам конкретного времени. Со временем комплекс утратил свою социокультурную значимость и был забыт.

Возрождение комплекса ГТО в качественно новых социокультурных условиях возможно лишь в случае успешной адаптации этой идеи к новым реалиям. Пока эта идея не вызывает интереса у основной целевой аудитории – молодежи, к которой необходимо общаться на ее языке – языке современных технологий, и создавать релевантную систему стимулов. Предположим, что комплекс должен стать модным, а занятия спортом не прекращаться после получения заветного значка. Столь же сложно реализуемыми представляются призывы возродить дворовый хоккей и футбол, сделать общеобразовательные школы центрами спорта. Эти формы были разработаны и хорошо работали в условиях советского времени, когда школы и дворы были центрами образовательной работы.

Сегодня в стране сложилась новая социокультурная ситуация. В условиях меняющейся ментальности населения происходит трансформация традиционных форм физической культуры. В качестве успешного социокультурного проекта можно рассматривать фитнес, когда восполняется недостаток общения и возникает возможность заниматься в группе под руководством профессионала. Фитнес-центры, клубы аэробики и шейпинга, конноспортивные клубы становятся новыми эффективными формами спортивного досуга. В последние годы появился социальный запрос на велосипедные прогулки. В городских условиях началось формирование соответствующей инфраструктуры, предусматривающей прокладку велодорожек, организацию спортивных площадок с тренажерами и т.д.

Используя накопленный опыт, можно рассчитывать на положительный социальный эффект через системную работу спортивных организаций, включая создание многопрофильных спортивных площадок как своего рода артобъектов, пропагандирующих здоровый образ жизни посредством граффити и рекламы. Здесь могут проводиться мастер-классы игроков и тренеров, мероприятия молодежных организаций, которые в качестве информационно-рекламных носителей будут продвигать спортивные события локального уровня.

Развитие спортивно-оздоровительной работы в парках, а также стремление большинства населения обезопасить себя ведет к тому, что успехом будут пользоваться небольшие и среднего размера клубы. Американские специалисты, учитывая эту тенденцию, предлагают создавать клубы «без стен», то есть рассчитанные как на своих членов, так и на их друзей, родственников, знакомых. В клубах подобного типа, при наличии информационной базы, появится возможность внимательно следить за научными исследованиями в области оздоровительной практики и распространять полученные знания. Индустрия активного отдыха привлекает в последнее время также крупные предприятия.

Практика физкультурно-оздоровительной и спортивной работы с населением в целом опережает теоретический анализ социокультурных изменений в обществе, что сказывается на эффективности организации данной работы. Поэтому актуальной задачей можно считать активизацию теоретических и методологических исследований, посвященных анализу места и роли спорта в новой социокультурной реальности, а также развитие мотивированной просветительской работы, новой идеологии освещения вопросов спорта в массмедиа.

Анализируя ценностный потенциал спорта в условиях информационного общества, следует особо подчеркнуть значение накопленного в спорте опыта познания резервных способностей человека. Выполняя пионерскую функцию познания предела человеческих возможностей, спорт несет в себе одну из важнейших социальных ценностей. Как нераздельная часть культуры он имеет завершенную ценность в себе самом и для себя и тем самым составляет высшую гуманистическую ценность.

Социокультурный подход к спорту позволяет раскрыть его специфические функции. В частности, существенно возрастает роль спорта в становлении человека как личности, в формировании образа жизни конкретных групп населения, объединяемых единством целей, что позволяет соотнести анализ социальной роли спорта с теоретической концепцией личности. Анализ социальной роли спорта не должен упускать из виду вполне конкретный факт — телесную организацию

человека и обусловленное ею отношение к природе и социуму. Исследуя спорт как социокультурный феномен, следует констатировать, что физическая культура и спорт развивается как особая, специфическая область человеческой деятельности, область человеческой культуры. С социологической точки зрения, спорт претендует сегодня на роль социального интегратора, способного сплотить общество на основе патриотических настроений, привить человеку чувство солидарности, гражданственности, другие универсальные ценности. Таким образом, спорт как продукт модерна вызвал к жизни спортивную культуру — продукт постмодерна, получивший новый импульс своего развития.

Важно также отметить, что одним из основных факторов развития информационного общества является человеческий капитал. Поскольку спорт напрямую влияет на качество человеческого капитала с точки зрения физического и культурного развития, можно утверждать, что его значение для формирования информационного общества достаточно велико.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПОПОВА А.А., НЕВЕРКОВИЧ С.Д. **Развитие спорта в России: институциональный подход** // Вестник спортивной науки 6 (6) 2013. С. 52.
2. БЫХОВСКАЯ И.М. **Спорт в современном мире: социокультурный анализ и социальная практика** // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И.М. Быховской. М.: Смысл, 2010; Синютин М.В., Карапетян Р.В. Феномен спорта в дискурсе экономической социологии // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2015. Вып. 1. С. 116–122; Столяров В.И. Социальные проблемы современного спорта и олимпийского движения (гуманистический и диалектический анализ): Монография / В.И. Столяров. Бишкек: Максат, 2015; Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие. 3-е изд. М., 2010.
3. МАЛЬГИН В. Е., РОЖКОВА Г. Ю. **Социальная роль спорта в условиях закрытого административно-территориального образования** // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 351–354.
4. СТОЛБОВ В.В., ФИНОГЕЕВА Л.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Ю. **История физической культуры и спорта**. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Физкультура и спорт, 2001.
5. НИДЕРМАН Э. **Может ли спорт способствовать взаимопониманию между народами?** // Международное спортивное движение: Экспресс-информация. Вып. 8. М., 1986. С. 25.
6. СТОЛЯРОВ В.И. **Социальные проблемы современного спорта и олимпийского движения (гуманистический и диалектический анализ): Монография** / В.И. Столяров. Бишкек: Максат, 2015. С. 44–79.
7. МОЧЕНОВ В.П. **Спорт как социокультурный проект** // Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания. Материалы I Междисциплинарного научного симпозиума с международным участием «Молодежь и гражданское общество в современном мире: стратегии взаимодействия и модели воспитания». 28–29 мая 2015 г. ФГБОУ ВПО «РГУФКСМиТ», 2015.
8. <http://s-bc.ru/news/kak-sport-menyaet-mir.html> (дата обращения 14.08.2016).
9. SHERIF S. **The social context of competition** // Social Problems in Athletics / Ed. D.M. Landers. Urbana: University of Illinois Press, 1976. P. 18–36.
10. SHERIF M. **Superordinate goals in the reduction of intergroup conflict** // American Journal of Sociology. № 63. 1958. P. 349–356.
11. БЫХОВСКАЯ И.М. **Спорт в современном мире: социокультурный анализ и социальная практика** // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И.М. Быховской. М.: Смысл, 2010. С. 611–626.

Abstracts

PLESHKEVICH Eugeny Aleksandrovich

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; Chief Research Fellow, Laboratory of the Information and System Analysis, State Public Scientific and Technical Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Documentary and Information Component of the Modern Society

The article analyzes the organization of the documentary and information segment of modern society. The author proposes to single out the proto-documentary, documentary and post-documentary structures of this segment. Particular emphasis is made on trust, which is seen as a specific property of the documentary and information component of the socium.

KEY WORDS

information society, document, proto-document, trust, documentary and information approach.

KORENYUK Andrey Anatolyevich

Sector Consultant, Regional Data Bank on Children Left without Parental Care, Department of Guardianship and Trusteeship in Relation to Minors, Moscow City Department of Labor and Social Protection

Information Activity as a Means of Overcoming Social Orphanhood

Providing reliable information about orphans and children left without parental care is one of the main tools to overcome social orphanhood. The media, including the Internet, are the most important source and method of public opinion making. They can help to involve public, business and other stakeholders in solving this problem. The article analyzes the activities of the media and Internet resources of the guardianship authorities on public opinion formation related to orphans and children left without parental care. During the sociological survey, the experts attitude to the problem of child abandonment was revealed.

KEY WORDS

orphans, children left without parental care, guardianship, foster family, information activities, Internet resources.

**PROZOROVA Victoria
Borisovna**

*Candidate of Historical
Sciences; Head of Mission in
Europe, Herald of Archivist
magazine*

Debate about Ch. Kecskemeti and L. Körmendy's Book "Scripta Volent"

Former Secretary-General of ICA Ch. Kecskemeti and Hungarian archivist L. Körmendy, who worked with documents on new media in the 1975-2012, have written a book on request of Favre, a Swiss publisher, in 2014, where they show the vulnerability of electronic archives and the great instability of the environment where they exist. Both factors are deeply inconsistent with the fundamental mission of the archives, which is to carry information through millennia. In the present situation, we are not likely to have means of reading the current electronic archives after twenty years whereas some records can be claimed after 500 or more years since their creation. What, where, how and who should maintain records may be answered by archivists but not by computer technologies specialists. The present standards and approaches to maintaining the electronic archives will not solve the problem until the selection of media occurs depending on the duration of their estimated storage.

KEY WORDS

Long-time preservation of digital records, international standardization, conversion, migration, data bases, electronic mail

**BRAZEVICH Dmitriy
Svyatoslavovich**

*Candidate of Sociological
Sciences; Associate Professor, St.
Petersburg National Research
University of Information
Technologies, Mechanics and
Optics*

Public Communication in the Blogosphere as an Internet Communication Technology

The article analyzes the evolution of the global blogosphere as a special information and communication space that provides new social opportunities and prospects. It is argued that the world blogosphere is evolving as a new public sphere, a special form of personalized journalism and business, a platform for discussion of topical social, political and economic problems. At the same time, the major part of the blogosphere in Russia is focused on another direction, namely a platform of self-presentation and expression, focused on the young audience.

KEY WORDS

information and communicative space, Internet technology, Internet communication, blog, blogger, the blogosphere, blogging communication.

**VASILENOK Viktor
Leonidovich**

*Doctor of Economical Sciences;
Professor, St. Petersburg
National Research University
of Information Technologies,
Mechanics and Optics*

GERASIMOVA Anna Yurievna

*Candidate of Pedagogical
Sciences; Associate Professor
of Social and Humanitarian
Sciences, St. Petersburg
National Research University
of Information Technologies,
Mechanics and Optics*

TOLSTIKOVA Irina Ivanovna

*Candidate of Philosophical
Sciences, Associate Professor;
Head of Department of Social
Sciences and Humanities, St.
Petersburg National Research
University of Information
Technologies, Mechanics and
Optics*

**YEFANOV Aleksandr
Aleksandrovich**

*Candidate of Sociological
Sciences; Senior Lecturer,
Department of Journalism,
Orenburg State Pedagogical
University*

Coverage of Election Campaigns in the Media and Electoral Interest

The article discusses a strategy for covering the election campaign in mass media from the viewpoint of their impact on electoral interest. The research objects are electoral processes in Russia and United States of America in 2016. The studies were conducted with the use of materials from news, several public and political programs on federal and regional TV channels, as well as posts made by Orenburg region residents on social networks. The applied methods were quantitative content analysis and discourse analysis.

KEY WORDS

electorate, electoral interest, electoral activity, election campaign, elections, mass media, Orenburg region.

PETROVA Evgenia Viktorovna

*Candidate of Philological
Sciences; Associate Professor,
Higher School of Economics*

Common Government Services Portal in the System of Practices and Assessments of Respondents

The present article focuses on the research of the Common Government Services Portal (CGSP) in the paradigm of the anthropological method. The empirical base was collected in Rostov-on-Don (Russia) in 2016. The findings of the study help to expand the understanding the citizens' perception of CGSP and the practices of using the Portal in daily life.

KEY WORDS

Common Government Services Portal of Russian Federation, CGSP, Media Anthropology, Internet.

**VOLCHENKO Olesya
Viktorovna**

*Postgraduate Student,
Department of Sociology, and
Research Assistant, Laboratory
for Comparative Social
Research, National Research
University "Higher School of
Economics"*

Measuring Practices of Internet Use in Social Sciences: a Review of Major Approaches

The article reviews approaches towards measuring practices of Internet use and highlights major pros and cons of described indicators. The examples of research questions addressed using different indicators are also provided. All instruments are classified into macro-indicators that allow describing Internet penetration in a country or a region and micro-indicators that allow estimating frequency of Internet use by individuals. Micro-indicators can also be classified into indicators based on automatically collected data and indicators based on survey data.

KEY WORDS

Internet, practices of Internet use, frequency of Internet use, sociological measurement.

KOSTIKOV Valery Yurievich
*Senior Lecturer, Department of
Journalism, Moscow Institute
of Television and Radio
Broadcasting "Ostankino"*

Sport as a Cultural Phenomenon in the Information Society

The article analyzes the peculiarities of sport as a substantive sphere with its system of values, which are integrated in the development of the information society, highlights the typological features of sport as a cultural phenomenon, presents models of modern social and cultural projects.

KEY WORDS

sport as a cultural phenomenon, socio-cultural projects of sport at international, national and segment levels.

Наши авторы

**БРАЗЕВИЧ
Дмитрий
Святославович**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Факультета технологического менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
В 2008 г. окончил Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет по специальности «социолог, преподаватель социологии». В 2008–2012 гг. учился в заочной аспирантуре по кафедре социологии Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.
Область научных интересов – социология управления.

brazevich1986@mail.ru

**ВАСИЛЕНКО
Виктор
Леонидович**

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента и аудита Факультета технологического менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
В 1976 г. окончил Ленинградский государственный университет им. А.А.Жданова по специальности «экономист, преподаватель политэкономии».
В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Политико-экономические проблемы взаимодействия общества и окружающей среды». В 2000 г. – докторскую диссертацию на тему «Структурные изменения собственности в переходной экономике современной России».

fem1421@yandex.ru

**ВОЛЧЕНКО
Олеся Викторовна**

Аспирант департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; стажер-исследователь лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ «Высшая школа экономики», Москва
Окончила специалитет Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского в 2012 г., в 2014 г. получила степень магистра социологии в Высшей школе экономики. Область научных интересов: социология доверия, исследования интернета и средств массовых коммуникаций, количественный анализ социологических данных, сравнительные межстрановые исследования.

ovolchenko@hse.ru

**ГЕРАСИМОВА
Анна Юрьевна**

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
В 1998 г. окончила Хабаровский государственный институт искусств и культуры.
В 2001–2004 гг. училась в аспирантуре кафедры общей педагогики Хабаровского государственного педагогического университета. В 2012 г. окончила Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий. В 2004 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Общая педагогика, история педагогики и образования».
Область научных интересов: общая педагогика, методика преподавания, психология личности, саморазвитие личности, активизация личностного роста.

4383839@mail.ru

**ЕФАНОВ
Александр
Александрович**

*Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики
Оренбургского государственного педагогического университета*
В 2016 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата социологических наук на тему «Моральные паники как фактор социальных изменений». Специалист в области социологии массовых коммуникаций. Сфера научных интересов: влияние СМИ на массовое сознание, технологии медиаманипулирования, теория и практика современного телевидения. Совмещает преподавание с практической деятельностью. Работает выпускающим редактором и ведущим информационной программы «Наше время» ООО «ТРК «ТК-Регион» (г. Оренбург).

yefanoff_g1@mail.ru

**КОРЕНЮК
Андрей
Анатольевич**

Консультант сектора регионального банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей, Управления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы
В 2011 г. окончил Российский государственный социальный университет по специальности «Государственное и муниципальное управление». С 2008 по 2013 г. занимал должность главного специалиста по защите прав несовершеннолетних муниципалитета ВМО Марьино в г. Москве. В период с 2012 по 2015 г. обучался в аспирантуре РГСУ по специальности «Социология управления».

andrey-1@rambler.ru

**КОСТИКОВ
Валерий Юрьевич**

Старший преподаватель кафедры журналистики Московского института телевидения и радиовещания «Останкино»
В 2005 году закончил факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова.
После окончания работал в московской городской печати, стажировался в отделе новостей телеканала «Культура».
В высшей школе работает с 2008 года после окончания очной аспирантуры факультета журналистики и рекламного дела МГИ имени Е.Р. Дашковой. Автор учебно-методических комплексов и лекционных курсов «Мультимедиа-технологии в СМИ», «Конвергенция и жанры мультимедиа», «Информационная безопасность», «Спортивная журналистика» и другие. Участник российских и международных научно-практических конференций (Москва, МГУ, 2015-2017; Палермо, 2012 и др.). Соискатель кафедры зарубежной журналистики и литературы МГУ имени М.В. Ломоносова.

garlen21@mail.ru

**ПЕТРОВА Евгения
Викторовна**

Кандидат филологических наук, доцент департамента медиа факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
В 2005 году окончила Ростовский государственный университет по специальности «Журналистика». Начала работать в НИУ ВШЭ в 2016 году. Основные научные интересы: современные медийные технологии, медиатизация социальных практик, антропология медиа, медиа и политика.

evpetrova@hse.ru

**ПЛЕШКЕВИЧ
Евгений
Александрович**

Доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск)

ear1966ear@mail.ru

В 1987 г. окончил Саратовское высшее военное авиационное училище, в 2000 г. — Уральский государственный университет. В 2002 г. защитил кандидатскую диссертацию по отечественной истории, в 2012 г. — докторскую по педагогическим наукам (библиотековедение, библиографоведение, книговедение). С 1987 по 1999 г. служил в армии. С 2005 по 2009 г. работал в филиале РГГУ в г. Саратове, с 2010 по 2015 г. — в Российской государственной библиотеке. Область научных интересов: документально-информационная картина мира, теория, методология и история библиотековедения, теория документа.

**ПРОЗОРОВА
Виктория
Борисовна**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник зарубежного сектора ВНИИДАД, представитель журнала "Вестник архивиста" в Европе
Закончила Историко-архивный институт РГГУ (1998), Французский университетский колледж при МГУ по специальности "право" (1998), Государственную школу национального достояния в Париже (2000). Автор 53 статей, опубликованных в России, Франции и на Украине, учебного пособия «Архивная доктрина Франции XVIII–XX веков» (2013), программы семинара «Французская архивная доктрина и мир франкофонии» (2013). Эксперт по обработке исторических и правоустанавливающих документов.
Область научных интересов: история, методика и актуальные вопросы управления информацией, документацией и архивами во франкоязычных странах, архивное и информационное право.

vikaprozorova@yahoo.fr

**ТОЛСТИКОВА
Ирина Ивановна**

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социальных и гуманитарных наук Факультета технологического менеджмента и инноваций Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики
В 1979 г. окончила философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию и получила степень кандидата философских наук. С 1988 работает в университете ИТМО.
Область научных интересов — философия культуры, культурология киберпространства.

tolstikova_irina@mail.ru

«Почта России» модернизировала рабочие места

С целью внедрения Единой автоматизированной системы отделений почтовой связи (ЕАС ОПС) в 2016 г. «Почта России» обновила 30 тыс. комплектов автоматизированных рабочих мест в 54 своих филиалах. Представитель пресс-службы предприятия сообщил, что в 2017 г. планируется обновить оборудование в аналогичном объеме в разных регионах страны для продолжения развертывания ЕАС ОПС. Внедрение системы предполагается завершить до конца 2017 г. Данная система разработана почтовой службой по принципу «единого окна» и заменяет более 15 различных программных продуктов, использовавшихся предприятием ранее.

«Благодаря обновлению компьютерного парка значительно повысилась надежность оборудования рабочих мест, что позволяет нашим специалистам непрерывно оказывать услуги клиентам. В комплексе с установкой нового программного обеспечения модернизация позволяет значительно ускорить время обслуживания. Для внедрения программы было организовано масштабное обучение операторов и начальников почтовых отделений», — заявил заместитель генерального директора «Почты России» по информационным технологиям, развитию новых продуктов Сергей Емельченков.

Напомним, что в марте 2016 г. для развертывания ЕАС ОПС «Почта России» приобрела в лизинг более 30 тыс. комплектов АРМ для почтовых отделений. Фактическая цена договора лизинга составила 1,3 млрд руб.

Выручка «Почты России» по итогам девяти месяцев 2016 г. увеличилась на 8,2%, до 119,7 млрд руб. При этом прибыль предприятия сократилась более чем в 2 раза — с 2,7 млрд руб. в 2015 г. до 1,2 млрд в 2016 г. Аналитики отмечают, что двукратное падение прибыли было ожидаемым событием на фоне повышения заработной платы сотрудникам основного производства. За указанный период «Почта России» направила на повышение заработной платы 5,2 млрд руб.

Источник: <http://www.comnews.ru/content/105680/2017-01-26/pochta-rossii-modernizirovala-rabochie-mesta>